

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

«Королева скандинавского криминального романа»

Хеннинг Манкель

ЛИЗА МАРКЛУНД

ТРАЙМ-
ТАЙМ

13 человек, 1 убийца,
12 подозреваемых...

Невероятное напряжение, которое
ни на миг не ослабевает

Daily Express

Анника Бенгтзон

Лиза Марклунд

Прайм-тайм

«Центрполиграф»

2002

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)

Марклунд Л.

Прайм-тайм / Л. Марклунд — «Центрполиграф»,
2002 — (Анника Бенгтзон)

ISBN 978-5-227-08214-5

В старинном замке на юге Швеции заканчивается работа над серией телепрограмм для проекта «Летний дворец». В последнюю ночь, накануне национального праздника Янов день, творческий коллектив отмечает завершение съемок. После бурной вечеринки в передвижной телестудии находят убитой ведущую программы Мишель Карлссон. Гибель любимицы публики, звезды телеэфира вызывает громкий общественный резонанс. Репортеру одной из крупнейших газет Аннике Бенгтзон поручено следить за ходом расследования и информировать читателей. Анника еще глубже погружается в предысторию трагического происшествия, когда узнает, что ее близкая подруга была в замке в ночь убийства и является основным подозреваемым. Теперь главная цель журналистки – разобраться, кто же из тринадцати участников событий истинный преступник.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-227-08214-5

© Марклунд Л., 2002
© Центрполиграф, 2002

Содержание

Пятница 22 июня	6
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лиза Марклунд

Прайм-тайм

© Liza Marklund 2002

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, ISBN 978-5-227-08214-5 «Центрполиграф», 2018

* * *

Пятница 22 июня

Канун Янова дня

«Я не справлюсь с этим, – подумала Анника. – Я умру». Она прижала ладони ко лбу, заставляя себя дышать ровно и успокоиться.

Гора багажа перед входной дверью росла на глазах. Бесформенная масса, грозившая заполонить прихожую и весь мир, ее невозможно было охватить взглядом. Так, и что же еще она забыла?

Детская одежда, пляжные принадлежности, баночки с детским питанием, дождевики и резиновые сапоги, палатка, детская коляска с чехлом от дождя, спальные мешки, ее и Томаса вещи в рюкзаках, одеяло и игрушечные зверушки...

– Эллиен так и должна выглядеть? – поинтересовался Томас от двери в спальню.

Анника посмотрела на годовалую дочку, ковылявшую к сумке с пляжными принадлежностями.

– О чем ты?

– Неужели у тебя нет для нее более приличного наряда? В голове у Анники словно произошло короткое замыкание.

– И что с ней не так? – огрызнулась она.

Томас смахнул волосы со лба, моргнул удивленно:

– Я же просто спросил. В чем проблема?

Анника была на пределе.

– Я паковала вещи все утро, – сказала она. – Вот только кружевных платьев, извини, с собой не взяла. А надо было?

Он с усмешкой посмотрел на нее:

– Мне просто стало интересно, обязательно ли ребенок должен выглядеть как чернорабочий?

Анника сделала пять быстрых шагов к нему и посмотрела прямо в глаза:

– Чернорабочий? О чем это ты? Мы же вроде собираемся в шхеры или, может быть, на какой-то чертов детский конкурс красоты?

Его удивление явно не знало границ, ей почти никогда не удавалось довести его до такого состояния. От злости у него перехватило дыхание, он открывал рот в попытке наорать на нее, но не мог выдать из себя ни звука. Зато неожиданно взвыл какой-то из их электронных гаджетов и явно не собирался замолкать.

– Твой или мой? – спросила Анника.

Томас повернулся на каблуках и отправился в спальню проверить мобильник и карманный коммуникатор. Анника обшаривала взглядом сваленную в прихожей поклажу и никак не могла определить источник сигнала.

– Это там, в вещах! – крикнул Томас.

Анника принялась копаться среди сумок, прислушиваясь к приглушенному звуку. Эллиен попыталась подняться, взявшись за баул Анники, но сумка скользнула в сторону, девочка упала и ударилась головой.

– Ой-ой-ой, давай мамочка подует, все будет хорошо... Звук сигнала утонул в испуганном плаче ребенка, Анника подхватила дочку на руки, качала ее, вдыхала ее запах, чувствовала тепло. Она села на полку для обуви, маленькое тело обмякло в ее объятиях. К тому моменту, когда девочка перестала плакать, аппарат тоже замолчал. Взамен зазвонил стационарный телефон. Анника поднялась, прижимая к себе дочку, крепко придавила трубку к уху плечом, не переставая дуть ребенку на макушку.

– Ты уже слышала? – спросил Спикен, шеф новостей.

Анника продолжала качать дочь.

– О чем?

– О Сёрмланде, конечно, о Мишель Карлссон.

Она прекратила дуть, облизнула губы. Газета «Квельспрессен» вломилась в ее прихожую неумолимо, подобно танку, отодвинув на второй план все иное.

– Это же твои старые охотничьи угодья, – сказал шеф новостей. – Фотограф уже выехал. Бертиль Странд, все правильно? – Последняя реплика предназначалась кому-то иному, возможно художественному редактору, потом он снова заговорил в трубку: – Берра в пути, он заберет тебя через пять минут.

– Ты упаковала подгузники? – поинтересовался Томас, забирая девочку из рук Анники. Она кивнула, показала на гору багажа, попыталась вернуться к действительности.

– А что случилось? – спросила Анника.

– Ты разве не получила сообщение?

Черт, ее телефон. Она подтащила к себе свою сумку, покопалась в ней, но телефона не нашла.

– Ой, – сказала она, – я слышала, что сообщение пришло, но не успела проверить.

– Мишель Карлссон убили. В аппаратной около Флена, выстрелом в голову.

Смысл услышанного не укладывался в голове, слишком невероятно это звучало. Томас поставил девочку на пол, она сразу же устремилась к Аннике, спотыкаясь, широко расставив руки.

– Ты шутишь, – промямлила Анника.

– Карл Веннергрэн уже там, он, очевидно, вчера участвовал в записи, поэтому у нас преимущество. Синхронизируй свои действия с ним.

Судя по голосу Спикена, он явно наслаждался ситуацией. На фоне прочих редакционных звуков Анника расслышала, как он сделал глубокую затяжку. Она снова опустилась на полку для обуви.

– Берит на острове Эланд, готовит материал о пьянстве среди молодежи, она бросит все и на машине поедет туда. Лангебю на Канарских островах, поэтому остаешься только ты. Отправляйся сразу же. У Бертиля Странда с собой все, до чего успело докопаться Информационное агентство, но там мизер, поэтому ты должна позвонить из машины. У тебя есть знакомые в криминальной полиции Сёрмланда?

Анника зажмурила глаза, постаралась совладать с навалившимися на нее противоречивыми чувствами, ощутила теплый детский кулачок на своей ноге.

– Хватает.

– Переговори с Веннергрэном, составь собственное представление о ситуации и позвони мне... скажем, в двенадцать?

– Конечно, – ответила она.

Томас уставился на нее, почуяв неладное:

– В чем дело?

Она положила трубку, встретила с ним взглядом.

– Нет, – пробормотал он. – Только не твоя чертова работа, не сегодня.

– Мишель Карлссон мертва, – сообщила Анника, ее слова эхом отдались от стен.

– Теледива? – спросил Томас. – Подружка Анны?

Анника кивнула, адреналин ворвался в кровь, по телу пробежала холодная дрожь. Эллен уткнулась лицом в ее колени.

– Что произошло? Как она умерла?

Анника отстранила ребенка, резко встала. Вещи, приготовленные для поездки, как бы сразу пропали из поля ее зрения, она видела перед собой только компьютер и собственную большую сумку. Девочка с шумом шлепнулась на пол и заплакала снова. Томас взял ее на руки.

– Они уже выехали, чтобы забрать меня, – сказала Анника.

Томас таращился на нее две секунды, отказываясь понимать.

– Катер отходит в одиннадцать, – напомнил он.

Анника взяла дочь из его объятий, отнесла ее в кроватку, поцеловала в макушку. Облегчение оттого, что ей не придется провести выходные со свекровью, сменилось печалью, связанной с необходимостью на время покинуть детей.

– Малышка, – прошептала она дочери, наклонившись над ней, – мама очень любит тебя.

Эллен запротестовала, она не хотела спать. Анника не могла заставить себя отпустить ее.

– Мама придет поздно. Ты побудешь с папой и старшим братом, все будет хорошо. Я же знаю, так лучше всего.

Девочка отвернулась в сторону, словно не желая слушать ее ложь, подогнула под себя ноги и сунула большой палец в рот. Анника неуклюже погладила ее по голове, а потом торопливо покинула комнату, по дороге ударившись о дверной косяк. Судя по звукам, доносившимся из гостиной, там герои мультсериала «Скуби-Ду, где ты?» спасались от очередного привидения. Время от времени сквозь весь этот шум пробивался тонкий голосок подпевавшего песенкам Калле.

«Все другие справляются, – подумала она. – Все получится, все должно получиться».

– Ты это серьезно? – спросил Томас, когда она вышла в прихожую. – Ты собираешься ехать работать? Сейчас?

Последнее слово он произнес слишком громко. Анника опустила глаза в пол:

– Ничего другого не остается, я же дежурная, ты знаешь, как не хватает людей...

– В данном случае ты должна отказаться! – крикнул он с красным от злости лицом. – Пятьдесят человек ждут нас на острове Еллё, а ты и не думаешь ехать туда?

Печаль, еще мгновение назад властвовавшая над ней, внезапно уступила место злобе.

– Они ждут тебя, – отрезала Анника, – не меня. На меня им глубоко наплевать, и ты это прекрасно знаешь.

В прихожую вышел Калле с широко раскрытыми глазами, напуганный громким спором родителей. Он шагнул к Аннике в объятия и потянулся руками к маминой шее. Ее сердце дрогнуло, еще немного – и она сдалась бы.

– Ну ты и штучка, – буркнул Томас.

– Не усугубляй ситуацию, – тихо сказала Анника, наклонившись к сыну. – Поезжайте в шхеры, веселись со своими друзьями и братом, а дети пусть играют, и наверняка все будет хорошо.

Мальчик уткнулся носом ей в шею.

– С друзьями? Послушать тебя, так я еду туда развлекаться. Друзья! Это мои родители и старые дяди и тети.

Анника высвободилась из объятий трехлетнего сына, поцеловала его в щеки и подбородок. Потом подняла глаза на Томаса:

– Я буду здесь, когда вы вернетесь домой в воскресенье. Она поставила мальчика на пол, выпрямилась и надела непромокаемую куртку.

– Неужели ты все это всерьез? – спросил Томас. – Это же просто невозможно.

– Там будет так много народа, что никто не заметит моего отсутствия, и дети тоже. Веселитесь от души.

Анника, не сводя смущенного взгляда с Томаса, натянула на ноги сапоги, закинула на плечо свой баул и ноутбук в черной сумке.

– Вот, значит, как все получилось, – произнес он сдавленным голосом.

– Мы ведь уже разговаривали об этом, – ответила она. – Мне самой нелегко. Но ты же знаешь, я должна.

– Бывают же такие мамы.

К ее лицу вернулся нормальный цвет.

– По-твоему, я делаю это ради собственного удовольствия? – спросила Анника тихо. – Сейчас ты несправедлив ко мне.

– Черт побери, – процедил он с побагровевшим лицом. – Этого я никогда не прощу. Черт побери!

Анника моргнула, задетая его словами, но они не причинили ей боли. Работа как броня защищала ее, делала неуязвимой. Она медленно повернулась, обняла сына и вышла из квартиры.

Бертиль Странд получил новый служебный автомобиль, пока Анника находилась в отпуске по уходу за ребенком... Это снова был «сааб». Анника догадалась, что Бертиль заботился о нем с большей любовью, чем о прежнем, если такое вообще возможно.

– Сколько времени потеряли, – буркнул он, когда Анника пристраивала свою сумку и компьютер на заднем сиденье.

По недовольной мине фотографа Анника поняла, что хлопнула дверцей слишком сильно.

– Чертова погода, – пробормотала она.

– Янов день, – сказал Бертиль Странд. – А чего еще ты ожидала?

Он включил первую скорость и уехал с остановки как раз перед тем, как к ней подъехал автобус 62-го маршрута. Анника стащила с себя куртку и замешкалась с ремнем безопасности, у нее пересохло во рту.

– Телеграммы у тебя?

Фотограф показал на тонкую стопку у ее ног.

– Работать становится все труднее и труднее. Репортеры разбросаны по всему земному шару. Нам еще повезло, что Веннергрэн оказался на месте событий.

Анника потянулась за бумагами. Ремень мешал ей добраться до них, она с раздражением отстегнула его снова.

– И о чем это ты? – спросила она. – По-моему, я уже здесь, рядом с тобой.

– Плохо, что мы не готовы к подобным ситуациям, никто ни о чем не думает заранее, и это никуда не годится. Шюману стоило бы заняться своей работой всерьез, вместо того чтобы постоянно собачиться с Торстенссоном. Пристегни ремень.

Аннику меньше всего волновала война между руководителем редакции и главным редактором. Она снова пристегнула ремень, закрыла глаза, ощущение безысходности, касавшееся ее семейной ситуации, и тоска по детям навалились на нее с новой силой.

Сейчас она добавила воды на мельницу свекрови. Дала лишний повод сокрушаться, как же не повезло с женой ее сыночку. Бедняга Томас.

Анника постаралась дышать спокойно, открыла глаза и изучила распечатки сообщений Информационного агентства. Их оказалось всего пять, и они отправлялись с интервалом в одну минуту.

09:41. Тележурналистка Мишель Карлссон мертва. 09:42. Мишель Карлссон умерла от выстрела в голову. 09:43. Мишель Карлссон нашли в передвижной аппаратной рядом с дворцом Икстахольм. Оружие оставлено рядом с жертвой. 09:44. Полиция подозревает, что Мишель Карлссон убили. 09:45. Несколько человек допрошены в связи с убийством Мишель Карлссон.

– Они записывали серию программ, которые планировалось показывать начиная со следующей недели, – сообщил Бертиль Странд.

– «Летний дворец», – сказала Анника. – Моя подруга Анна Снапхане принимает участие в этом проекте начиная с марта...

Анника замолчала, смотрела, как капли дождя странствуют по боковому окну и образованные ими ручейки соединялись и разделялись снова, пока неизбежно не ударялись в заднюю окантовку стекла. Она прекрасно помнила злобу и разочарование Анны, когда ее подругу после шести лет работы в продюсерской компании разжаловали до студийного администратора, вместо того чтобы сделать редактором или продюсером. А значит, в обязанности Анны Снапхане входило оставаться на месте записи программы и организовать уборку помещения, архивировать материалы, выполнять всю скучную и тупую работу. Возможно, она по-прежнему находилась где-нибудь во дворце.

Анника развернулась и выудила блокнот и ручку из лежавшей на заднем сиденье сумки.

– Кто у нас подозреваемые?

– Понятия не имею, – ответил Бертиль Странд и громко простонал.

«Сааб» доехал до Эссингеледен, неимоверно узкой кольцевой автострады Стокгольма, которая сейчас, естественно, была полностью забита стоявшими машинами.

– Мы будем добираться туда целую вечность, – сказал он и перевел рычаг скоростей в нейтральное положение.

Анника не смогла сдержаться:

– А чего ты, собственно, ожидал? Это же Янов день.

Фотограф перекрыл доступ свежего воздуха в салон, и стекла сразу же запотели. Дворники продолжали трудиться в равномерном ритме, левый скрипел каждый раз, когда достигал самой высокой точки. Анника закрыла глаза, постаралась избавиться от воспоминания о том, как звучал голос Томаса, и не дававшего покоя неприятного ощущения, сосредоточилась на дожде, дворниках и шуме системы климат-контроля, напоминавшем дыхание астматика.

«Летний дворец», – подумала она, – большой семейный проект «ТВ Плюс», дискуссионная и развлекательная программа с гостями и артистами. Возвращение Мишель Карлссон в прайм-тайм, реванш телезвезды. Собственно, она была довольно способной».

– Что ты думаешь о Мишель? – спросила она.

Бертиль Странд крутил головой так, словно она сидела на шарнирах, искал брешь в транспортном потоке.

– Небольшого ума, – ответил он. – Ничего впечатляющего. Мишель неплохо смотрелась, когда вела детские программы и телевикторины, но что касается дискуссионных шоу, где она тоже пыталась проявить себя, ее успехи оставляли желать лучшего. Там она ничего не могла.

Анника сама удивилась, какое негодование вызвали у нее его слова.

– Ну не скажи, – возразила она. – Мишель отработала на радио и телевидении десять лет. Чему-то она, наверное, научилась за такое время.

– Заискивающе улыбаться в камеру, – ответил Бертиль Странд. – Пожалуй, невелика наука?

Анника покачала головой, не в силах протестовать. И сама часто использовала примерно те же самые аргументы, обсуждая журналистику с Анной Снапхане.

– Моя лучшая подруга на телевидении уже десять лет, – сказала она. – Это гораздо сложнее, чем кажется.

Бертиль Странд протиснулся на автостраду перед зазевавшимся «лендровером». Его водитель нажал на клаксон.

– Судя по всему, это действительно дьявольская работа, – заметил фотограф. – Масса техники, которая постоянно ломается, и толпы идиотов, бегающих вокруг.

– Напоминает «Квельспрессен». – Анника посмотрела в окно. Сидевший в «лендровере» парень показал ей средний палец.

«Чем я, собственно, занимаюсь? – подумала она. – Еду с самовлюбленным придурком фотографом делать репортаж о каком-то заурядном преступлении, бросила Томаса и детей, единственных, кто по-настоящему мне дорог. Надо же быть такой душой».

– Там просвет впереди, – сказал Бертиль Странд, прибавляя скорость.
Анника достала свой телефон и набрала номер.

Полиция отдала приказ выключить все мобильники. Анна Снапхане не сомневалась, что она выполнила его, поэтому вибрация в кармане куртки вызвала у нее легкий шок. Она села в кровати, пульс резко зачастил, до нее дошло, что она, вероятно, задремала. Забытый во внутреннем кармане непромокаемой куртки телефон жужжал как гигантское насекомое. Она небрежно смахнула волосы с лица, ощущение во рту оставляло желать лучшего. Потом выбралась из-под одеяла и, дотянувшись до куртки, достала телефон. Недоверчиво посмотрела на дисплей, номер ей ничего не говорил, она колебалась. Что это было? Может, какая-то проверка?

Анна нажала на кнопку ответа и прошептала опасливо: – Алло?

– Как дела? – услышала она звучащий словно издалека голос Анники Бенгтзон. – Ты жива?

Анна Снапхане всхлипнула, прижала руку ко лбу, надавив пальцами на источник боли, прислушалась к шуму, доносившемуся до нее из трубки, – тихий шелест, звук мотора и отголоски гудков проезжавших мимо машин.

– Едва, – прошептала она.

– Мы слышали о Мишель, – сказала ее подруга. Она говорила медленнее, чем обычно. – И сейчас на пути туда. Ты можешь разговаривать?

Анна тихо заплакала, соленые слезы попадали в микрофон.

– Думаю, да, – выдавила из себя она.

– Здесь до черта машин, все стоят... Ты там сейчас?

Голос Анники периодически пропадал, прерываемый помехами и шумом дождя. Анна Снапхане сделала глубокий вдох, почувствовала, как сердцебиение постепенно успокаивается.

– Я закрыта в моей комнате в Южном флигеле. Мы все под домашним арестом, нас будут допрашивать одного за другим.

– Что, собственно, случилось?

Анна вытерла слезы тыльной стороной ладони, крепче вцепившись в мобильник, словно в свой конец спасательного троса, снова прижала его к уху.

– Мишель, – прошептала она. – Мишель мертва. Она лежит в передвижной телестанции, от ее затылка ничего не осталось.

– Полиции много?

Голос Анники возвращал ее в обычную жизнь. Анна Снапхане встала, посмотрела в окно:

– Мне видно не много отсюда, арочный мост через канал и несколько мишеней для стрельбы из лука. Но раньше я слышала шум машин, и недавно приземлился вертолет.

– Ты видела ее?

Анна Снапхане зажмурилась, сжала пальцами основание носа, оставшиеся в памяти картинки начали одна за другой всплывать в затуманенной алкоголем голове.

– Я видела ее, я видела...

– Кто это сделал?

К ней в дверь постучали. У Анны все похолодело внутри, она уставилась на дверь, парализованная страхом. Спасательный канат выскользнул из рук, ее снова охватило отчаяние.

– Мне надо идти, – прошептала она в телефон и прекратила разговор.

– Анна Снапхане? – произнес кто-то строгим голосом снаружи.

Она бросила телефон под покрывало и откашлялась, но прежде, чем ей удалось сформулировать ответ, дверь открылась. Стоявший в дверном проеме полицейский явно нервничал.

– Ты сейчас должна пойти со мной.

Анна уставилась на него.

– Мне хочется пить, – сказала она.

Полицейский не замечал ее жалкого состояния, смотрел будто сквозь нее.

– Через главный выход, а потом вниз налево. Поспеси. Коридор тонул в полумраке из-за дождя, все двери были закрыты. Анне казалось, что стены качаются, она еще полностью не протрезвела. Шла, выставив руку вперед, никого другого из телевизионщиков не было видно.

Холод и сырость встретили ее, когда полицейский открыл наружную дверь, словно на лицо набросили мокрое полотенце. Анна остановилась в дверном проеме, вдыхала воздух открытым ртом, щурясь, смотрела в направлении дворца. Полицейские автомобили, как в тумане, прятались в сером дожде.

– У тебя, случайно, нет зонтика?

Ее конвоир вместо ответа показал в сторону угла дома. Анна Снапхане подняла плечи и нерешительно шагнула наружу, на каменную лестницу, и сразу почувствовала, как вода попала за воротник.

– И куда мне?

– В тот дом у воды.

Холодный ручей устремился вниз по позвоночнику, вода попала в глаза. Анна поморгала, покачиваясь, преодолела три ступеньки до дорожки, пошла вдоль живой изгороди из кустов самшита в сторону сада. Потом вдоль оштукатуренной белой стены вниз к Новому флигелю, обогнула железную садовую мебель. Небольшой дворик обрамляла стена, в ней имелся арочный проход, выложенный красным кирпичом.

«Отсюда легко сбежать», – подумала она.

– Прямо вперед, ну же.

Она отвела взгляд от стены, направилась к входу.

* * *

Комиссар сидел за столом в большом конференц-зале. Как раз за ним снаружи за окном стоял знакомый автобус. Анна Снапхане сразу же попятилась, наступила на ногу своему конвоиру. Белоснежная передвижная аппаратная с красочным логотипом продюсерской фирмы ярким пятном выделялась среди дождя.

«Интересно, Мишель все еще лежит там? – пронеслось у нее в голове. – Она же, наверное, уже остыла».

– Садись.

Анна села на стул, на который показал комиссар, стерла дождевые капли с лица, посмотрела на полицейского и с удивлением обнаружила, что на нем пестрая гавайская рубашка. У нее сразу стало легче на душе.

– Боже мой, – сказала она, – это ты?

Мужчина, казалось, не услышал ее.

– Мы как-то встречались в Стокгольме, – продолжила она. – Вместе с Анникой Бенгтзон.

– Сейчас ты одна из тех, кто нашел ее, – напомнил комиссар.

Анна смутилась.

– О да, – подтвердила она, – одна из тех.

Внезапно вчерашнее возлияние снова напомнило ей о себе, пол закачался, она вцепилась в край письменного стола.

– Можно... немного воды?

Подошел полицейский с графином и стаканом. Анна сама налила себе, ее руки дрожали. Выпила целый стакан жадными глотками, проливая содержимое. Затем откинулась на спинку стула, почувствовала, как тошнота подступает к горлу.

– По-моему, у меня вот-вот начнется приступ астмы.

– У вас принято нажираться в конце записи?

Анна провела рукой по волосам, мокрым от дождя.

– Почему я здесь? Когда смогу поехать домой?

Комиссар встал из-за стола.

– Мы должны побеседовать с вами в течение дня. Никто из вашей компании не подозревается больше остальных, но нам, естественно, необходимо допросить всех вас в качестве свидетелей. Это, я надеюсь, понятно?

Анна смотрела на него с приоткрытым ртом, пыталась вникнуть в смысл его слов.

– Остаток времени вы проведете в ваших комнатах. Мы будем приглашать вас в порядке, который сочтем нужным. Вы не должны разговаривать друг с другом или общаться между собой каким-то иным способом. Это понятно? Анна, ты слышишь меня?

Она заставила себя кивнуть, подумала о мобильном телефоне под покрывалом в своей кровати.

Стоявший перед ней мужчина включил магнитофон, сел на стол напротив нее. Его джинсы были потертыми на коленях.

– Проводится допрос Снапхане Анны, родившейся...

Он замолчал и посмотрел на нее, она сглотнула комок в горле и промямлила свой личный код.

– Его проводит комиссар К., во дворце Икстахольм, в конференц-зале Нового флигеля, в пятницу 22 июня, в 10:25. Анна Снапхане допрашивается в качестве свидетеля в связи с возможным убийством Мишель Карлссон. – Он замолчал, внимательно посмотрел на Анну: – По какой причине ты находишься здесь?

Анна выпила еще немного воды.

– Я на допросе, – произнесла она тихо.

Комиссар вздохнул.

– Извини, – пробормотала Анна и откашлялась. – Я работаю на «Зеро-Телевидении»... это продюсерская фирма, которая снимает телепрограммы для различных каналов. На мне функции студийного администратора при записях на этой неделе...

Она замолчала, окинула взглядом комнату, полицейские впереди, полицейские сзади, передвижная телестанция снаружи.

– При записях, – повторил за ней полицейский. – Их было несколько?

Анна кивнула.

– Восемь программ подряд, – произнесла она чуть более твердым голосом. – По две ежедневно в течение четырех дней, и постоянно шел чертов дождь!

Она внезапно рассмеялась, очень некстати. Полицейский не отреагировал.

– Как проходили записи?

– Проходили? – Анна наклонила голову. – Как и ожидалось, хотя погода, конечно, вмешалась в наши планы. Нам пришлось снимать все заставки и сцены в павильонах, а это не лучший вариант. Поэтому постоянно возникала необходимость перекраивать сценарий, кто-то из артистов вынужден был играть в музыкальном зале на втором этаже главного здания. Но в остальном все шло хорошо, как и требовалось.

Она попыталась улыбнуться.

– Никаких разногласий?

– О чем ты?

Анна опустошила еще один стакан.

Полицейский устало всплеснул руками.

– Ссор, – сказал он. – Ругани. Угроз. Рукоприкладства. Анна Снапхане зажмурила глаза, перевела дух.

– Было, пожалуй, кое-что...

– Ты можешь рассказать поподробнее?

Анна опять приложила к стакану, заметила, что вода закончилась, махнула им и получила добавку.

– Есть миллион причин, чтобы в столь большом проекте что-то пошло не так, – сказала она, – а это совершенно ни к чему. Когда все на взводе, из любой ерунды может разгореться вселенский пожар.

– Давай напрямую, – попросил комиссар.

Сердце опять сорвалось в галоп, Анна начала дрожать. – Мишель могла быть невероятно тяжелой в общении.

Она успела поругаться с каждым из команды за эти дни.

– Также с тобой?

Анна Снапхане кивнула несколько раз. Полицейский вздохнул:

– Не могла бы ты произнести это вслух?

– Да, – произнесла она слишком громко. – Да, также и со мной.

– И когда это случилось?

– Вчера вечером.

Полицейский внимательно посмотрел на Анну, долго не опускал глаза.

– Что случилось?

– Да в общем ерунда. Мы поссорились из-за денег, из-за того, что сколько стоит. Все началось с дискуссии об акциях, я в общем против финансовых спекуляций, но Мишель утверждала, что демократия зависит от них, а потом мы переключились на зарплаты. Руководители фирм и прочие личности, занимающие государственные посты, заслужили свои должности и пенсионные льготы, утверждала она, а затем говорила только о самой себе, как обычно...

Внезапно она прервалась, почувствовала, как у нее запылали щеки. Полицейский с непроницаемой миной смотрел на нее.

– Ты разозлилась?

«Я солгу, – подумала Анна Снапхане. – Я не могу сказать все как есть, ведь тогда они решат, что это моих рук дело».

Сидевший напротив нее мужчина внимательно наблюдал за ней, изучал ее, казалось, заглянул ей в мозг.

– Ты только все усложнишь для себя, если соврешь, – сказал он.

– Я могла задушить ее, – призналась Анна, опустив взгляд, слезы жгли глаза. – Мы ведь уже были пьяные.

Полицейский комиссар поднялся, прошелся вокруг стола и снова сел на стул.

– Пьяные, – повторил он. – Насколько пьяные? Это касалось всей команды?

Анна пожала плечами. Она внезапно почувствовала себя ужасно уставшей, равнодушной ко всему.

– Говори, пожалуйста.

Короткое замыкание в мозгу, вследствие какого-то сбоя или перегрузки.

– Я же не знаю! – выкрикнула она. – Откуда я могла знать? Я не бегала и не собирала пустые бокалы, даже если кое-кто считал, что подобное входило в мои обязанности...

– И кто же это? Мишель считала, что ты должна собирать пустые бокалы?

– Нет, – произнесла Анна уже не столь громко.

На несколько секунд воцарила тишина.

– Какие-то другие ссоры вечером или ночью были?

Анна Снапхане судорожно вдохнула воздух ртом.

– Пожалуй, – прошептала она.

– Какие?

– Спроси других. Я не знаю, не прислушивалась.

– Но вечер и ночь выдались беспокойными? Или даже шумными?
– Проверьте, вы же сами можете посмотреть, – сказала Анна. – В Конюшне.
– Ты была там?
– Не слишком долго.
– Но оказалась одной из нашедших ее? – спросил комиссар, не дожидаясь ответа. – Кто помимо тебя вошел в автобус?

Она зажмурилась на мгновение.

– Себастьян, – сказала Анна и почувствовала, что ее голос слегка дрожит.

– Себастьян Фоллин, агент Мишель Карлссон?

Анна кивнула.

– Да, – сказала она. – Точнее, менеджер. Себастьян Фоллин – менеджер Мишель.

Потом резко замолчала, смущенная.

– Был кто-то еще?

– Карин. Карин Беллхорн, продюсер. Она тоже составляла нам компанию.

– И все?

– Мариана и Бэмби. Они недолюбливают друг друга.

– Почему вы провели наверху всю ночь?

Внезапно Анна расхохоталась:

– Выпивка оставалась.

– Кто такие Мариана и Бэмби?

– Мариана фон Берлиц является редактором «Летнего дворца», она работает в той же фирме, что и я. Бэмби Розенберг – актриса сериалов, она была гостем на нашей предпоследней программе. Они с Мишель подруги.

– О'кей, – сказал полицейский. – Менеджер, продюсер, редактор, подруга и ты. Это все?

Анна задумалась на мгновение.

– Гуннар, конечно, – сообщила она, – у него же был ключ. Антонссон его фамилия. Он работает в автобусе. Вы наверняка видели его. – У Анны на губах появилась ядовитая улыбка. – Его больше взволновал беспорядок, чем...

Она махнула рукой и замолчала.

– Что ты имеешь в виду?

– Для Гуннара большей бедой стало то, что Мишель испачкала его оборудование, чем ее смерть.

– Испачкала?

– Да, вы знаете, таким серым, похожим...

В затуманенной алкоголем голове на мгновение всплыла шокирующая картинка: худое тело в гротескной позе, огромные глаза, которые никогда больше не смогут видеть.

– Не могу больше, – прошептала Анна Снапхане и потеряла сознание.

Набережная Стрёмкайен перед «Гранд-отелем» была забита народом. Ходившие в шхеры суденышки, словно киты, покачивались на волнах за стеной дождя, ветер и вода срывали ветки, украшавшие их с носа и кормы.

«Это невозможно, – подумал Томас. – Мы никогда не получим место».

– Еллнэ? В самом конце. Приятного Янова дня!

Он попытался улыбнуться представителю судовой компании, крепче взялся за ручку детской коляски, форсировал глубокую лужу и въехал в бедро молодой женщине.

– Обычно в таких случаях извиняются, – прошипела она.

Томас отвел взгляд, пластиковая ручка упаковки подгузников давила ему на запястье, а рама рюкзака колотила по бедру.

– Я хочу мороженого, – сказал Калле и показал на киоск позади них на набережной.

– Ты получишь его на катере, – ответил Томас, на лбу у него выступили капли пота.

Порывы ветра, словно пощечины, хлестали его по лицу. Эллен захныкала в коляске. Томас прищурился, посмотрел в сторону дальнего конца набережной, и его вроде бы донельзя плохое настроение стало еще хуже.

Там вдалеке он увидел «Норршхер». Старая паровая посуда выглядела согнувшейся под тяжестью лет старухой рядом с современными монстрами. В такую погоду ему потребуется три часа, чтобы добраться на ней до родительского дома.

Томас поднялся на борт одним из последних, поставил коляску под капитанским мостиком с внутренней стороны ведущей на нос двери, сложив рядом с ней в кучу сумки, пакеты и рюкзак.

– Сейчас мы попьем кофе, – сказал он и понял, как по-идиотски это звучит.

Их суденышко прилично болтало. Калле затошнило еще до того, как они миновали острова Фьядерхолмарна. Его вырвало на стол в кафетерии, и он уронил эскимо в блевотину.

– Мое мороженое, – плакал ребенок и пробовал схватить скользкую палочку, вытирая рот другой рукой.

– Подожди! – крикнул Томас, а Эллен попыталась выбраться из его объятий.

Остальные пассажиры, при всей тесноте, постарались отдалиться от него.

– Ты должен вытереть все сам, – заявила девушка из кафетерия и с кислой миной протянула Томасу рулон бумажных полотенец.

– Успокойтесь, – сказал Томас, чувствуя на себе осуждающие взгляды других пассажиров. – Успокойтесь, Эллен, Калле, все будет хорошо, успокойтесь...

Он сбежал на палубу с Эллен под мышкой и сидячей коляской в руке, подталкивая ревущего и сопротивлявшегося Калле перед собой, и разместил детей прямо над лестницей в маленьком, защищенном от ветра закутке с крышей. Снял с себя дождевик и, завернув в него мальчика, посадил его на прикрепленную к стене скамейку. Слезы сразу же прекратились, не прошло и минуты, как сын заснул. Томас опустил спинку коляски, накрыл дочь одеялом, подоткнул его с боков и принялся торопливо катать ее вперед и назад, вперед и назад. Вместе с покачиванием судна это сработало. Девочка тоже заснула.

Томас надежно зафиксировал коляску на месте, проверил, чтобы дождь не попадал на детей, а потом встал у поручней и отдался воле воды и ветра. Внезапно на него навалилась необъяснимая тоска и ощущение утраты, как будто он лишился чего-то очень дорогого.

«Солоноватая вода, – подумал он. – Ее вкус».

Томас вырос с ней. Она являлась частью его системы ценностей. Чистая и прозрачная вода не только служила напоминанием о детстве, летних днях, проведенных рядом с ней. В Ваксхольме, где он жил до тридцати двух лет, море всегда было под рукой. Но в последние годы данный кусочек жизни оказался отодвинутым на второй план кучей самых разных дел, Томас стал забывать свои истоки.

«Она не стоит того, – подумал он. А потом с опустошающей силой осознал: – Я сожалею о случившемся».

Томас тяжело дышал, такая мысль никогда не приходила к нему раньше и сейчас болью отозвалась в груди. Ощущение, что его обманули, внезапно навалилось на него.

Он обманывал Элеонору, свою жену, спутавшись с Анникой Бенгтзон. Оставил виллу, свой дом и хорошо обеспеченный быт ради жизни в тесной квартирке Анники без горячей воды на Кунгсхольмене в Стокгольме. Он нарушил клятву, данную Господу и Элеоноре, обманул своих родителей, друзей и соседей. Он и Элеонора занимали значительное положение в Ваксхольме, в его общественной жизни, она в качестве директора банка, а он – главного эколога.

– И все из-за чертова желания потрахаться, – сказал Томас, обращаясь к ветру.

Потом чувство вины набросилось на него сзади, ударило в затылок со столь же неимоверной силой.

«Калле, – подумал он, – извини, я не это имел в виду». Он повернулся спиной к воде, сфотографировал детей, спавших в защищенном от ветра пространстве. Фантастических и его. Его!

Элеонора не стремилась родить ребенка. Сам он почти не думал об этом, пока Анника не пришла к нему на виллу в тот вечер накануне Рождества, заплаканная и белая как мел. Как давно это было? Три с половиной года назад? Или больше?

Конечно больше. С тех пор он лишь однажды возвращался домой, вместе с нанятыми парнями из специализировавшейся на переездах фирмы. Деньги, полученные, когда Элеонора выкупила его долю виллы, он вложил в акции компаний из информационной и других высокотехнологичных областей, все согласно рекомендациям аналитиков.

– Не покупай такое дерьмо, – сказала тогда Анника. – Какое отношение мы имеем ко всему этому, если даже не можем выбрать нормально функционирующий компьютер?

Потом она бросила свой ноутбук на пол и топтала его. – Здорово, – ответил он. – Твой анализ положения дел на бирже действительно внушает доверие.

Естественно, она оказалась права. Биржу начало лихорадить месяц спустя, и больше всего досталось его акциям.

Томас ушел с ветра, спрятался от него, заметил, что промок и замерз.

А они еще даже не миновали Госхагу.

– Почему не работает лифт? – пропыхтел Андерс Шюман, когда поднялся на четвертый этаж здания, где размещалась редакция газеты.

Торе Бранд посмотрел на него с кислой миной.

– Сырость, – ответил он. – Ремонтная служба приедет в понедельник.

Руководитель редакции восстановил дыхание и решил оставить в покое данную тему, пока на смену не заступит какой-нибудь другой охранник.

Спикен сидел один на своем месте, ноги на столе, телефонная трубка практически вдавлена в ухо. Он вздрогнул, когда Шюман положил руку ему на плечо.

– Созвонимся, – сказал он и вернул трубку на аппарат.

– Где Торстенссон? – спросил Шюман.

– У родни в Даларне, играет на скрипке. Ты видел его в национальном костюме?

Спикен ухмыльнулся. Рулившие газетой парни не испытывали ни толики уважения к ответственному издателю. Шюман знал, что это не имело особого значения. Пока парни могли управлять Торстенссоном, заставлять его двигаться в нужном им направлении, главный редактор мог оставаться на своем посту.

Шюман расположился напротив шефа новостей, откинулся на спинку стула. Он знал, что парни уважали его опыт и знания, но это ничего не значило, если у него отсутствовала реальная власть.

Внезапно ему вспомнилось, что Анника Бенгтзон называла парней велюровой кодлой из-за их странных одинаковых темно-синих велюровых пиджаков, и тоже ухмыльнулся. Потом откашлялся:

– Как у нас дела с бедняжкой Карлссон?

– Анника Бенгтзон обещала позвонить в двенадцать, но этого не сделала, – ответил Спикен.

Он безнадежно махнул рукой.

– С кем она поехала?

– С Беррой. Они выехали сразу после десяти.

– Тогда они, скорее всего, еще не покинули пределы города. Везде просто дикие пробки.

– Абсолютно верно! – воскликнул Спикен, который жил в Сольне и каждый день преодолевал на служебном автомобиле четыре километра до работы. – На сей счет стоило бы поднять волну.

Шюман подавил вздох.

– Ты же знаешь, что нас дважды привлекали к суду из-за обвинений в клевете со стороны Мишель Карлссон, – сказал он.

– И что? – поинтересовался Спикен. – Мы теперь должны сидеть сложа руки в такой день только из-за того, что дамочка при жизни была склочницей?

Шюман десять секунд не отрываясь смотрел на шефа новостей.

– Кто чем занимается? – спросил он.

Спикен принялся энергично листать свои бумаги, над верхней губой у него выступили капельки пота.

– Анника Бенгтзон и Берра, значит, находятся на пути во Флен, Берит Хамрин едет на север с острова Эланда, она там вроде как сделала материал о пьянстве среди молодежи вместе с нанятым фотографом. Он почти час доставал меня по телефону утром, возмущался, что для него не нашлось работы.

– Мы ему, естественно, в любом случае заплатим, – сказал Андерс Шюман и выудил себе газету из царившего на столе хаоса.

– Конечно, но парень отправился туда не ради денег, он хочет сотрудничества с «Квельспрессен» на постоянной основе. В конечном счете я сказал ему, пусть все равно снимает и указывает на снимках имена и возраст персонажей.

– С его творчеством я хотел бы ознакомиться, – сказал главный редактор. – Сфабрикованных материалов на данную тему у нас ведь хватало.

Спикен слегка покраснел. В прошлом году он направил двух временных сотрудников на остров Эланд, и они добыли сенсационный материал. Проблема, однако, состояла в том, что репортер и фотограф пили столь же усердно, как и все другие, и, кроме того, забыли рассказывать своим новоиспеченным друзьям, что они будут блевать, рыдать и испражняться на снимках в «Квельспрессен». Это привело к пяти заявлениям в Комитет прессы по вопросам журналистской этики и примирению, обошедшимся газете более чем в 150 тысяч крон, чтобы дело далее не попало в суд по обвинению в нарушении закона о свободе печати. Конечно, «Квельспрессен» смогла бы выиграть процесс, но вся история выглядела настолько грязной, что было лучше купить себе свободу и попытаться хоть что-то сохранить от остатков репутации.

– Поэтому Берит и отправилась туда в этом году, – ответил Спикен коротко и кликнул по своему экрану. – А относительно фотографий я сказал единственно с целью отделаться от него.

– Позаботься, чтобы он не заблокировал модем пятью сотнями дурацких снимков за пять минут до истечения срока, – сказал Шюман и поднялся. – Соедини Бенгтзон со мной, когда она позвонит.

– Если она позвонит, – проворчал Спикен, но Андерс Шюман уже удалился.

Караван машин медленно полз по автостраде номер 55, дождь хлестал по окнам, дворники скрипели. Все это не лучшим образом сказывалось на настроении в «саабе», где уже довольно долго царила тишина. Анника пыталась найти для тела более удобное положение, но ремень давил, опора для поясницы находилась слишком высоко. Хотя она знала, что проблема далеко не в сиденье, а главным образом в ее неуверенности в завтрашнем дне. Она проработала всего несколько недель после выхода из декретного отпуска, и на данный момент существовали большие сомнения относительно ее возможности в будущем трудиться в криминальной редакции.

Пока она ходила беременная, руководство подбрасывало ей задания для других отделов, помимо прочего для женской страницы и всякую ерунду из серии понемногу обо всем, она

чувствовала себя разжалованной и вытесненной на обочину редакционной жизни, но не протестовала. Естественно, прекрасно представляла себе, как в ее газете относятся к молодым, недавно принятым в штат женщинам, вставшим на путь материнства. Она знала, что ее считали обманщицей, лентяйкой, использовавшей систему с узаконенным декретным отпуском, чтобы оставить газету на произвол судьбы. Иметь беременную девицу в криминальной редакции представлялось полным идиотизмом. Во-первых, считалось, что мозги у нее умерли, как только она залетела, а во-вторых, ее следовало наказать за обман. Она хорошо помнила свои горькие слезы и неловкие утешения Томаса.

– Тебе нужно заботиться о своем самочувствии, – сказал он и принес ей молока.

Анника никогда не рассказывала, что ее рыдания не имели никакого отношения к тошноте.

Затылок болел, она положила руку на первый шейный позвонок, сделала себе массаж, попыталась расслабить челюсти. Ей не удавалось выйти на связь большую часть поездки, возможности ее оператора мобильных услуг в данном регионе явно оставляли желать лучшего.

Ей удалось выяснить только то, что на место вызвали и криминальную полицию Эскильстуны, и Государственную комиссию по расследованию убийств, и это, с одной стороны, прибавляло ей оптимизма, а с другой – вызывало неприятные ощущения. С комиссией по расследованию убийств ее связывали хорошие отношения, особенно с комиссаром К., следователем, часто возглавлявшим такие выезды. С местными детективами все обстояло гораздо сложнее. Они расследовали смерть хоккеиста Свена Матссона шесть лет назад и, насколько Анника догадывалась, еще хорошо помнили ту историю.

Она смотрела в окно, мимо медленно проплывали хвойные деревья, такая же буйная сёрмландская растительность, сквозь которую она бежала однажды, преследуемая, спасая свою жизнь.

Это было в холодный осенний день, ясный и красивый. Она покинула Свена накануне вечером, положила конец своей связи с этим садистом раз и навсегда. В ответ он пообещал убить ее, гнался за ней через лес с охотничьим ножом и вспорол живот ее котенку.

Анника закрыла глаза, стараясь расслабиться. «Сааб» плавно покачивался на новеньких амортизаторах, попадая в очередную яму на асфальте. В памяти всплыла картинка с разбитой головой Свена и железной трубой в ее руке. Она видела, как он перевалился через край доменной печи и исчез в глубине. Дыхание участилось, она попыталась избавиться от страшного воспоминания.

Аннику судили за причинение смерти по неосторожности – два года условно согласно вердикту суда Эскильстуны. Ее действия оценили как самооборону, сняв обвинение в умышленном убийстве. Анника сомневалась в правильности приговора. Она хотела убить. Стояла со своим мертвым котенком на руках, кишки вываливались у него из живота, и знала, что поступила правильно.

– Нам здесь поворачивать?

Анника открыла глаза:

– Да. Налево.

Они поехали по длинной аллее, которая вела к Икстахольму. Повернув у ответвления к конному заводу, уперлись в ограждения.

– Черт, все как обычно.

Анника бросила взгляд направо, за лиственными деревьями виднелись белые фасады дворца. На площадке перед ним она смогла разглядеть прогуливавшихся там людей. Автобус с антенной спутниковой связи как раз подъехал туда и припарковался рядом с Конюшней.

– Все средства массовой информации Швеции уже здесь, – проворчал фотограф.

– Кончай ныть, – сказала Анника.

Она открыла дверцу машины как раз в тот момент, когда Бертиль собрался дал газ в попытке убраться оттуда.

– Здесь все огорожено? – крикнула она стоявшему у ограждения полицейскому.

– Весь мыс.

– Почему все другие смогли проехать внутрь?

Она хлопнула дверцей машины со всей силы и сделала вид, что не расслышала возмущенных воплей Бертиля Странда.

– Мы скоро оградим и очистим всю территорию, – ответил полицейский властным голосом, он смотрел в сторону воды, и его кадык вздрогнул в глотательном движении. Парень был из местных, возможно из полиции Катринехольма.

Анника решила пойти в атаку. Она выудила из кармана пресс-карточку, спокойно подошла к полицейскому, сунула ее ему под нос и уставилась в его глаза:

– Ты пытаешься помешать мне в работе?

Полицейский снова сглотнул слюну.

– У меня свои инструкции, – ответил он, опять обратив взгляд в сторону озера Лонгшён.

– Мешать прессе сообщать о последних событиях? Не верю.

Полицейский посмотрел на Аннику.

– Ты же из Хеллефорсна? – спросил он.

Она переступила с ноги на ногу, потом повернулась на каблуках, направилась назад к машине и тяжело приземлилась на переднее сиденье.

– Мы не проедем этой дорогой, – сказала она и снова хлопнула дверцей.

– Сколько раз я должен повторять тебе...

Бертиль Странд осторожно выжал сцепление, чтобы гравий не попортил лак.

– Подожди, подожди, – сказала Анника, зажмурилась, провела рукой по лбу, почувствовала приток адреналина в кровь. – Должен существовать какой-то другой путь.

Фотограф дал газа и переключился на вторую скорость, забуксовал немного на сыром гравии. Неудача тяжелой ношей легла на сердце.

– Остановись, – попросила Анника. – Я должна подумать.

Бертиль Странд припарковался рядом с выцветшим от времени дорожным знаком.

– Нам надо пробраться внутрь с какой-то другой стороны, – сказала она.

Фотограф посмотрел на озеро:

– Можно объехать его?

– Дворец расположен на острове между двух озер, – объяснила Анника. – Это называется Лонгшён, Иксташён с другой стороны уходит довольно далеко влево. Я думаю, там нет другой автомобильной дороги. Какая-нибудь для тракторов, пожалуй, но они обычно перегорожены шлагбаумами.

Анника бросила взгляд вдаль над водой, увидела усадьбу Финнторп между деревьями. Там подростком она была в конном лагере, прыгала на Сорайе и выигрывала призы. Картинки детства одна за другой всплывали в ее памяти: запах свежего сена, тепло лошадиного тела под ее бедрами, пыль гравиевой дорожки, полная гармония.

Внезапно Анника поняла, как им действовать.

– Езжай налево, – распорядилась она, – а потом снова налево.

Фотограф сделал, как она сказала, не спрашивая: либо доверял ей, либо был слишком зол. Она постаралась не забивать себе этим голову.

– Куда сейчас? – спросил он, когда они подъехали к Финнторпу.

– Направо, – сказала Анника. – К Ансаргсгордену.

Они осторожно въехали на холм, миновав пастбища с лошадьми, таблички, запрещающие проезд транспорта. Красные деревянные дома выросли перед ними из темноты как огромные кубики.

– Что это за место?

– Христианский учебный центр и лагерь, по-моему Шведской миссионерской церкви. Езжай вниз с холма, там с задней стороны есть парковка.

Парковка оказалась почти пустой, в дальнем конце стоял лишь одинокий жилой прицеп. Они поставили машину у края большого газона.

– Почему мы здесь? – спросил Бертиль Странд.

– Там вдалеке за холмом есть пляж, – объяснила Анника, – и, как мне помнится, там, у причала, есть спасательная лодка. Я подумала, что мы могли бы ее позаимствовать.

Судя по всему, дождь не собирался стихать. Они надели дождевики. Бертиль Странд упаковал камеры в пластиковый пакет и сунул их в свой водонепроницаемый рюкзак.

– Прикрой компьютер, – сказал он. – Я не хочу, чтобы ради него взломали машину.

Анника стиснула от злости зубы и бросила плед на лежавшую на заднем сиденье сумку с ноутбуком. Кто станет залезать в чужую машину на пустой парковке в христианском лагере?

Лодка находилась на месте, наполовину заполненная водой. Весла валялись в тростнике, никакого черпака они не нашли. Совместными усилиями вытащили лодку на берег, перевернули ее и смотрели, как вода ручейком бежала по песку.

– Ты умеешь грести? – поинтересовался Бертиль Странд со смущенной миной.

– Надеюсь, они не перегородили берег, – сказала Анника.

Все оказалось сложнее, чем она думала. Временами ей казалось, что они совсем не двигаются. Маленькую лодчонку качало на волнах словно поплавков, она стала наполняться водой снова, и не только сверху.

– Спасательная лодка, вот черт, – проворчала Анника на полпути через озеро.

Когда они обогнули мыс, ветер стал дуть им навстречу. У Анники стало сводить руки.

– Ты действительно считаешь, что мы доберемся туда сегодня? – спросил насквозь промокший Бертиль Странд.

Это заставило Аннику грести сильнее. Она уже была готова сдаться, когда увидела баню и прибрежный домик.

– Осталось совсем немного, – сказала она и, прищурившись, посмотрела сквозь дождь в направлении острова, где находился дворец.

Какая-то суета царила там вдалеке на берегу. Она смогла различить маленькие черные фигурки внизу у дворца и большой пестрый логотип на белой стенке у самого устья канала.

– Это, наверное, автобус с аппаратной, как думаешь? – спросил фотограф и достал камеру из пластикового пакета. – Ты не могла бы не дергать лодку? Пожалуй, стоит сделать несколько кадров на случай, если они пошлют нас...

Анника стала грести немного медленнее, чуть ли не благодарная непогоде. Если повезет, они могли обогнуть остров, оставаясь незамеченными, выбраться на сушу ниже флагштока и там подняться наверх.

Это сработало. У Анники дрожало все тело, когда она тащила лодку через тростники, промерзшая до костей и смертельно уставшая.

– Ты хорошо здесь ориентируешься? – поинтересовался Бертиль Странд.

Анника восстанавливала дыхание несколько мгновений, пыталась подавить кашель.

– Бабушка брала меня сюда на свой день рождения каждый год. Мы гуляли в дворцовом парке и съедали ужин из трех блюд в обеденном зале.

– Восхитительные привычки, – сказал Бертиль Странд и не без труда закинул на спину свой рюкзак.

– Бабушка была домоправительницей в Харпсунде, он находится за лесом, не более чем в десяти километрах отсюда. Поэтому она знала старого ресторатора Икстахольма. Еда была подарком.

Анника показала направо в туманную дымку.

– Терраса, – сказала она, – вероятно, там и записывали программу. – Потом махнула рукой влево: – Северный флигель, апартаменты и двухкомнатные номера. Прямо впереди главное здание, обеденные залы, салоны. Пошли.

Главное здание во всей красе выросло перед ними за стеной воды, белое и мокрое от дождя. Они приблизились к его северному торцу, ломаная крыша выглядела чернее, чем небо. На засаженном всевозможными растениями пространстве в центре комплекса распускались розы. Три полицейские машины стояли, припаркованные у входа.

– Что это за место, собственно? – поинтересовался Бертиль Странд и распаковал свою камеру.

– Старая усадьба, – сказала Анника, почувствовав себя в Средневековье. – Отель и место проведения конференций, сейчас находится во владении Шведского союза промышленников. Построена в 1753 году.

Фотограф одарил ее коротким взглядом:

– А не в 1754-м?

– Написано там, – сказала Анника и показала на дату над главным входом. Ей пришло в голову, что она никогда раньше не видела его двойные коричневые двери закрытыми. Распахнутые настежь, они всегда приглашали войти всех желающих. Сейчас казались тяжелыми и массивными. Она показала в направлении Южного флигеля: – Первое здание было деревянным и находилось в той стороне. Дворец и остальные постройки выполнены из кирпича, который обжигали в печи, расположенной там, за деревьями. На место убийства сначала?

Бертиль Странд кивнул.

Они обошли дворец, медленно и осторожно, двигаясь от дерева к дереву, через парк. Миновали террасу с аккуратно разровненными граблями гравиевыми дорожками, подстриженные газоны, живые изгороди и клумбы. Анника покосилась на оштукатуренный фасад здания с окнами в ряд. Блестящая поверхность озера Иксташён отражалась в сотнях квадратных стекол, из которых они состояли.

– Так и кажется, что вот-вот увидишь дамочек в кринолинах, – сказал фотограф и включил свою камеру.

Они пошли вниз к озеру, вокруг маленького лабиринта из живых изгородей и стен, мимо причала и вверх к западному торцу Нового флигеля.

– Передвижная телестанция, – сказала Анника и показала рукой.

Бертиль Странд поменял камеру и лег плашмя прямо на траву. Он положил телеобъектив на левую руку, использовал ее в качестве опоры, а правой периодически нажимал на спуск.

Аника стояла позади него и, щурясь, смотрела на место убийства. Мобильная аппаратная скорее напоминала гигантский автопоезд, чем обычный автобус. Одна ее боковая стенка раздвигалась так, что ширина внутреннего пространства удваивалась. Вход находился с их стороны. Лестница из нескольких ступенек вела к узкой двери, расположенной рядом с кабиной водителя. Она увидела полицейского в униформе, стоявшего спиной к ним и разговаривавшего с кем-то, находившимся в самой аппаратной.

– Нам надо подойти поближе? – спросила она тихо.

Пусть их отношения с фотографом оставляли желать лучшего, она целиком и полностью доверяла его профессионализму.

– Нет, не обязательно. Я сделал несколько кадров с другой стороны, с лодки. Нам надо попробовать сместиться вниз вправо, чтобы флигели оказались на заднем плане. Если они подойдут с целью выставить нас, задержи их.

Бертиль Странд поднялся, повесил рюкзак на левое плечо и пошел вдоль берега. Анника последовала за ним, скользя взглядом по белым зданиям. По главному корпусу на самой вершине холма, флигелям, стенам, похожим друг на друга ветвистым деревьям, теплему желтоватому свету из окон.

«Я понимаю, почему граф Оксеншерн записал в своем дневнике: «великолепие Эдема», побывав здесь», – подумала она.

– Готово, – сказал фотограф и повернул в сторону озера. Они шли назад той же дорогой, которой пришли, Бертиль Странд не выключал камеру ни на минуту.

Поднявшись на холм, они напоролась на полицейского, знакомого Аннике по Эскиль-стуне.

– Что вы здесь делаете? – поинтересовался он властным тоном.

Анника достала свою пресс-карточку, сунула ее под нос полицейскому:

– Мы ищем нашего коллегу Карла Веннергрена, он принимал участие в записи вчера и, возможно, еще остается где-то здесь.

– Он на допросе, – ответил полицейский и встал почти вплотную к Аннике. – Не будешь ли ты так любезна покинуть эту территорию и присоединиться к другим репортерам?

– Он подозревается в каком-нибудь преступлении?

– Я не могу сказать ничего конкретного.

– Прекрати, – резко парировала Анника. – Нельзя допрашивать журналистов без всякой на то причины. Если вы задержали или арестовали репортера одной из крупнейших газет Швеции, значит, обязаны рассказать об этом его работодателю.

Она лгала, но полицейский не был уверен в этом.

– Да я действительно не в курсе, – признался он. – Не знаю ничего.

– Как много людей вам предстоит допросить?

– Всех, кто был здесь ночью.

– И сколько таких?

– Да дюжина. И среди них есть еще одна из ваших. Пожилая дама, которая пишет фельетоны, тоже здесь.

Анника открыла рот от удивления:

– Барбара Хансон? А ее каким ветром сюда занесло?

Полицейский наклонился вперед и понизил голос.

– Они не задержаны, – сказал он. – Это я знаю наверняка.

– Персонал дворца тоже допрашивают?

– Нет, никого из них не было здесь ночью.

– А кого еще?

Мужчина в дождевике и больших сапогах двинулся в их сторону, полицейский явно занервничал.

– Вам надо идти, – сказал он и повернул ее спиной к дворцу.

Анника медленно направилась к мосту, к другим журналистам. Она достала мобильник и позвонила Спикену. Шеф новостей, похоже, сидел на своем рабочем месте и ел, он чавкал и прихлебывал, пытаясь разговаривать в промежутках.

– Что говорит Веннергрэн?

– Не знаю, он общается только с полицией.

– Черт, они задержали Веннергрена? Он ведь журналист! Судя по звуку, какая-то жидкость попала в трубку. Анника скривилась:

– Я не сказала, что он задержан, его допрашивают в качестве свидетеля. Кроме того, в хорошей компании, Барбара тоже здесь.

– Хансон? Черт, Шюман ведь просил ее прекратить писать всякое дерьмо о Мишель Карлссон.

Анника почувствовала себя немного не в своей тарелке. Честно говоря, она особо не утруждала себя чтением собственной газеты, пока находилась в послеродовом отпуске, особенно наполненных злобой и желчью творений Барбары Хансон, потому поменяла тему:

– Допросу подлежат всего двенадцать человек.

– Кто конкретно?

Шеф новостей явно закончил есть, он рыгнул и закурил сигарету.

– Главным образом люди из телевизионной команды, по моим догадкам, но я выясню это.

– Нам нужны имена и фотографии всех, – сказал Спикен и на ходу вчерне придумал заголовок: – «Выжившие в бойне во дворце. Один из них убийца... И их было всего двенадцать...» Вот черт, просто конфетка.

– Поэзия, – буркнула Анника и прервала разговор.

– Что будем делать дальше? – поинтересовался Бертиль Странд.

– Пойдем на парковку, – ответила Анника.

Они подлезли под ограждение у конца моста и вышли к остальной медиабратии.

– Как вы пробрались внутрь? – поинтересовался репортер из «Конкурента», крупный блондин в мокрой кожаной куртке.

– Мы спрятались в Волчьей яме еще вчера вечером, – сказала Анника и направилась к Конюшне.

Она расслабилась и наконец начала снова ощущать свое тело. Руки больше не сводила судорога, неприятное ощущение в животе улеглось. Вода, ранее попавшая за воротник, нагрелась от кожи, она прошлась немного, чтобы размять суставы.

Полицейский в униформе вышел из Конюшни, довольно долго возился с замком. Потом поспешил к дворцу, не обращая внимания на журналистов. Анника проводила его взглядом, чувствовала, как дождь барабанил по закрытой капюшоном макушке. Ноги при каждом шаге слегка утопали в пропитанной водой земле, вокруг следов в ней сразу же образовывались лужицы. Она смотрела на нее, коричневую и пятнистую, где смешались гравий и всякая дрянь. Имевшую кисло-затхлый запах.

«Швеция, – подумала она, – какая дерьмовая страна». Потом слегка поправила себя, испугавшись собственной мысли.

Нет, она ведь не так плоха, по крайней мере, если в ней есть такие люди, как хоккеист Фоппа, и ее благосостояние, и природа.

Природа.

Анника попыталась различить ее за завесой дождя. Увидела только смутные очертания неясных оттенков серого и коричневого цветов.

Она вытерла нос, избавилась от ощущения сырости под ним.

Помимо «Конкурента» Анника заметила журналистов государственного телевидения, радио Сёрмланда, Эст-Нютт и ее старой местной газеты «Катринехольмс-Курирен», которые вовремя оказались с внутренней стороны ограждения. Их автомобили были небрежно припаркованы около Садового флигеля. Она достала ручку и блокнот и обратила взор в сторону машин.

Желтый «ренджровер», самый большой и дорогой джип на рынке. Анника записала его номер. Потом прошлась вдоль всего ряда. Красно-черный кабриолет «фольксваген-поло», ржавый «фиат-уно», черный спортивный автомобиль, который она считала эксклюзивным, пока не узнала в нем «крайслер», зеленый «Вольво S40», «рено-клио» бронзового цвета с наклейкой «Иисус жив» на заднем стекле, синий БМВ и коричневый «сааб» десятилетнего возраста.

Связь, к счастью, работала, Аннике понадобилась минута, чтобы связаться со знакомым парнем из стоковского Центра управления.

– У меня есть несколько автомобильных номеров, у тебя не найдется времени их проверить?

Огромный джип принадлежал «ТВ Плюс», немецкий кабриолет был зарегистрирован на Барбру Розенберг из Сольны, «фиат» на Ханну Перссон из Катринехольма, спортивный «крайслер» принадлежал фирме Build & Create, базировавшейся в Йёнчёпинге, «вольво» – Карин Андерссон из Хегерстена, «рено» – Мариане фон Берлиц, проживающей на Гревгатан в Сток-

гольме, БМВ – Карлу Веннергрену из Юрскольма, а «сааб» – Стефану Аксельссону из Туллинге.

Потом она позвонила в справочное бюро телефонных номеров и решила не забивать голову тем, во что ей это обойдется.

– Нет никакой Барбры Розенберг в Сольне, зато есть Бэмби Розенберг с секретным номером, – сообщила ей телефонистка, представившаяся Линдой.

«Актриса», – записала Анника в своем блокноте.

Никакой Ханны Перссон не было в регистре.

– У многих ведь теперь только мобильники с предоплатной картой, – объяснила телефонистка Линда, – а о них у нас нет никаких данных.

Фирма Build & Create имела массу номеров, Анника записала все. Первый принадлежал Себастьяну Фоллину, менеджеру, имя показалось ей знакомым.

Карин Андерссон-Беллхорн числилась в каталоге только под второй фамилией, но также с титулом телепродюсер. Анника знала, кем она была, они сталкивались несколько раз на работе у Анны.

Мариана фон Берлиц имела секретный номер, но Анника знала и ее тоже. Они делили письменный стол в «Квельспрессен» шесть лет назад и постоянно ссорились из-за того, кому он достанется в единоличное пользование. Мариана спала с Карлом Веннергреном. Стефан Аксельссон называл себя видеорежиссером.

Она быстро подсчитала. Семь человек ей, возможно, удалось вычислить, если она сейчас угадала с менеджером. Кроме того, внутри находилась Анна Снапхане, восемь, она приехала поездом, как, пожалуй, сделала и Барбара Хансон. Девять. Кто там был еще? «Ренджровер» с «ТВ Плюс», вероятно, являлся служебным автомобилем одной из их шишек, пожалуй, самого командира. Анна Снапхане всегда называла его исключительно Хайлендером¹.

– Поскольку он считает себя бессмертным и непобедимым, – объяснила она как-то Аннике.

Кем могли быть двое других?

Анника окинула взглядом дворцовый парк. Стадо промокших и голодных овец блеяло с другой стороны аллеи. На самом острове двое полицейских дежурили около моста. Передвижную телестанцию не было видно из-за зданий.

«Автобус, – подумала она. – Кто-то наверняка отвечал за него, по технической части. Одиннадцать».

Кем был двенадцатый, она так и не додумалась. Пришло время проверить ее догадки.

Она достала свой телефон и набрала номер Анны Снапхане. Номер был занят.

– Анника! Анника Бенгтзон!

Голос шел от автомобилей, стоявших наверху у Садового флигеля, она повернулась и посмотрела в том направлении.

Это оказалась Пия Лаккинен, одна из ее коллег по работе в «Катринехольмс-Курирен». Репортерша как раз вылезла из машины, она накинула на голову капюшон дождевика и поспешила к Аннике.

– Сколько лет, сколько зим! – сказала она. – Рада встрече! Они обменялись рукопожатиями, Анника попыталась улыбнуться, хотя не разделяла энтузиазма старой знакомой. Она не одобряла дружеских похлопываний по спине на месте убийства, а то, что они когда-то были товарищами по работе, только усугубляло ситуацию, Она уволилась ради перехода в столичную «Квельспрессен», и кое-кто из редакторов «Катринехольмс-Курирен» воспринял это как неудачу их собственной газеты.

– Как дела в редакции? – поинтересовалась Анника.

¹ Хайлендер (от *англ.* Highlander – горец) – персонаж одноименного американского фильма.

Пия театрально вздохнула.

– Ах, – сказала она, – ты же знаешь, все как обычно. Плохое планирование, никто ни о чем не думает заранее, все такое... И потом этот дождь... Кстати, тебе не кажется, что он немного уменьшился?

Анника искала слова, чтобы поддержать разговор, но так ничего и не придумала. Репортерша не заметила этого, сама болтала просто без умолку, поскольку сильно нервничала.

– И все это в канун Янова дня. Убийство здесь, во Флене! Просто безумие какое-то, кто бы мог подумать, что подобное случится у нас, здесь ведь всегда так спокойно...

Анника огляделась в поисках Бертиля Странда или кого угодно, лишь бы уликнуть от бывшей коллеги. Пия Лаккинен поняла, что Анника не слишком рада встрече, но старалась не обращать на это внимания.

– Хотя у вас в Стокгольме такое происходит постоянно, – сказала она.

– Точнее говоря, наиболее зверские убийства совершаются в провинции, в деревнях и маленьких городках, – заметила Анника спокойно.

Это произвело нужный эффект: Пию внезапно охватило сильное волнение.

– По-твоему, убийцу скоро поймают?

– Трудно сказать, – пожала плечами Анника. – Как раз сейчас во дворце допрашивают двенадцать человек.

Пия Лаккинен вытаращила глаза:

– Неужели?

Несмотря на дождь, Анника гордо расправила плечи – ей ли не знать? Следующий номер местной газеты должен был выйти только в понедельник, она могла позволить себе такую щедрость.

– Почти все принадлежат к команде телевизионщиков, записывавших программу, – продолжила она. – Плюс несколько гостей и прибывших сюда журналистов. Я вычислила всех, кроме одного.

Репортершу местной газеты явно шокировала такая осведомленность коллеги.

– Трудно получать данные, когда не знаешь полицейских, – промямлила она. – Я не понимаю, что люди из криминальной полиции Стокгольма здесь делают.

– Полиция Стокгольма традиционно готова помочь в любой точке страны, – пояснила Анника, – но это парни из Государственной комиссии по расследованию убийств. Они знают свое дело.

Пия Лаккинен посмотрела в сторону дворца:

– Мне кажется, они главным образом ходят вокруг.

– Они всегда прежде всего исследуют пространство снаружи. Начинают с отпечатков обуви и всего такого. Можно сказать, что они продвигаются снаружи внутрь. Ты знаешь, в какое время поступил сигнал тревоги?

– Сообщение Информационного агентства пришло в 09:41.

– Ну, это понятно, но тогда кто-то ведь уже был здесь, возможно, патруль полиции правопорядка из Катринехольма или Эскильстуны. Они констатировали, что в передвижной телестанции с тыльной стороны Нового флигеля лежит мертвое тело. Когда вышло сообщение, они, наверное, уже оградил само место преступления и рассовали свидетелей по разным комнатам. Эксперты и следователи, конечно, еще не успели добраться, но уже находились в пути.

На Пию Лаккинен ее слова явно произвели впечатление. – Она по-прежнему лежит внутри?

– Возможно. Они работали в автобусе еще совсем недавно, когда я находилась там. Не думаю, что ее увезут раньше, чем закончится дождь. Иначе пропадет множество следов.

– Ты была внутри?

В голосе коллеги явно слышались скептические нотки. – Если имела место борьба, все усложняется, – продолжила Анника и услышала в своем голосе нотки превосходства. – Во-первых, обследуют автобус, во-вторых, тело. Осматривают одежду, пытаются установить, перенесли ли тело в автобус или преступление было совершено там. Когда они закончат и дождь прекратится, тело увезут.

– Увезут? И куда же?

– В какой-нибудь судебно-медицинский морг. Я думаю, в Каролинскую больницу, это ближе всего. Там его изучат патологоанатомы, эксперты и следователи – все вместе. Проверят, есть ли что-то под ногтями и все такое... Ну, ты знаешь...

– Уф... – Пия передернулась, попыталась рассмеяться. – Как в остальном у тебя дела?

Анника перевела дыхание:

– Все нормально. Приятно работать снова. Я была в отпуске по уходу за ребенком два раза подряд и только что вернулась в строй.

– Папа позаботится о детях в Янов день?

Анника улыбнулась:

– Да, само собой.

– Как дети это воспринимают? – поинтересовалась Пия с сочувственной миной.

Анника продолжала улыбаться:

– Хорошо, конечно. Они все вместе у родителей папы на острове Еллё. Мы собирались жить в палатке, но в такую погоду, надеюсь, они обойдутся без этой экзотики.

Репортерша внимательно смотрела на Аннику несколько секунд.

– Мы? Ты тоже планировала поехать туда?

– Да, – ответила Анника и рассмеялась, – но в такой ливень, по мне, даже лучше находиться здесь.

На лице Пии проявились разочарование и недоверие.

– Значит, вы не развелись?

Анника резко прекратила улыбаться:

– Развелись? Я и Томас?

Пия смутилась:

– Да, ты знаешь, разное ведь болтают, кто-то говорил, что вы разъехались, он якобы бросил тебя и детей...

Анника почувствовала, как побледнела:

– И чьи же это слова?

Пия Лаккинен попятилась. На ее лице читалось откровенное злорадство.

– Ты же знаешь, как слухи распространяются в таком маленьком городке, как Катринехольм. Я думаю, кто-то из сидящих на кассе в Кварнене постарался. Но сейчас, извини, мне надо идти к моему фотографу, нам ведь еще предстоит подготовить материал о праздновании Янова дня в Бие, и потом на очереди летнее интервью премьер-министра в Харпсунде тоже сегодня. Всего хорошего тебе...

Анника повернулась, старая рана снова дала о себе знать. Она почувствовала себя униженной.

В родном городе были не в восторге от ее работы, карьеры, амбиций.

Там с жалостью относились к ней.

Гуннар Антонссон медленно поднялся со своей кровати в душевой комнате в Южном флигеле и посмотрел на часы. Ничего странного, что ему хотелось есть. Он взял свою маленькую французскую кофеварку, пошел к раковине и вылил из нее кофейную гущу. Потом тщательно ее вымыл. Наполнив водой электрочайник, включил его и насыпал четыре мерки кофе

в кофеварку. Пока вода нагревалась и закипала, он смотрел в окно, на зеленые кроны лиственных деревьев, серое небо за стеной дождя.

Когда чайник выключился, он залил кофе кипятком, вдавил поршень и наполнил ароматным напитком стаканчик для зубных щеток. Он смотрел на себя в висевшее над раковиной зеркало, делая первый глоток. Стаканчик обжигал руку, он поставил его на раковину, провел рукой по подбородку, щетина колола кожу. Ему следовало побриться.

Он сейчас должен был в своем автобусе находиться на пути в Даларну. Им предстояло обеспечить трансляцию из закрытого известнякового карьера Далхалла большого оперного концерта из произведений Вагнера, Альвена и Бетховена в исполнении Королевского филармонического оркестра под управлением Уно Кампрада и скандинавских солистов.

Гуннар с нетерпением ждал этого события, не только из-за немислимого дохода, который оно должно было принести его фирме. Он обожал Вагнера.

«Мишель Карлссон любила оперу», – подумал он внезапно. Она с удовольствием составила бы ему компанию и посмотрела концерт на месте.

Эта мысль подействовала на него странным образом. Гуннар смотрел на собственное отражение в зеркале, но видел не его – только белые ноги, ухоженный островок растительности на лоне, влагу, все еще блестящую между бедрами. Он почувствовал, как в нем проснулось желание, и ему стало стыдно. Чем он, черт возьми, занимался?

Он не спал ни секунды после 06:12 утра. Именно тогда сунул ключ в замок передвижной телестанции номер пять, открыл дверь и почувствовал странный запах, с которым ему никогда не приходилось сталкиваться ранее. Сладковатый, кислый и тошнотворный одновременно. Когда стоял на пороге, готовый шагнуть внутрь, и почувствовал его, до него дошла вся абсурдность ситуации.

– Что вы собираетесь делать там внутри? – спросил он столпившуюся у него за спиной компанию, судя по ввалившимся глазам, прошедшую бурную ночь и еще до конца не протрезвевшую.

– Нам надо поговорить с Мишель, – заявил маленький доходяга, ее менеджер, и попытался протиснуться внутрь мимо Гуннара, но он заслонил ему путь.

– У меня все убрано и упаковано. Вам нечего там делать.

– Но Мишель ведь внутри, – сказала Анна Снапхане, а когда она говорила, Гуннар обычно ее слушал.

– Откуда ей там быть?

Гуннар стоял перед ними еще окончательно не проснувшийся, разбуженный ни свет ни заря, в незастегнутой рубашке и в ботинках на босу ногу, и понимал, что они не уйдут и не оставят его в покое. Они нарушили его сон, чтобы он открыл им автобус. И сначала он разозлился.

– Какого черта? – спросил он. – Что за глупости?

Гуннар сунул ключи в левый карман брюк, почувствовал хорошо знакомую тяжесть, металлические шипы через подкладку. Потом шагнул внутрь, закрыл на мгновение глаза, чтобы они привыкли к темноте. Узкий проход, ведущий в аппаратно-студийный отсек, был слабо освещен несколькими мониторами, справа – инженерный отсек. Он заглянул в него и проверил блоки управления камерами, открыл дверь в технический проход, заглянул в видеоотсек, окинул взглядом аппаратуру Betacam, VHS, всех форматов. Все на своих местах и упаковано.

Он вернулся в коридор и увидел в дверном проеме Анну Снапхане, другие теснились за ней.

– Гуннар, дорогуша, дождь льет как из ведра, – заныла она, а он обычно не мог сказать Анне «нет».

Он промямлил что-то, а она сразу же восприняла это как приглашение, вошла в коридор, и вся кодла за ней.

Освещение в аппаратно-студийном отсеке было очень слабым, его источником служили индикаторные лампы на мониторах и электрооборудовании. Запах усилился, серые стены поглощали любые тени. Он моргнул несколько раз, прежде чем смог разглядеть Мишель Карлссон.

Она лежала в узком пространстве между задним и передним рабочими столами, прямо перед местом видеорежиссера. И во-первых, ему бросилось в глаза то, что на ней не было брюк или трусов. Во-вторых, что ее ноги лежали неестественным образом, согнутые под необъяснимым углом. И в-третьих, то, что она не шевелилась. Он сразу все понял. Еще до того, как увидел случившееся с ее головой, после чего у него отпали последние сомнения. Будучи охотником, он прекрасно представлял, как выглядит смерть. Однако здесь она предстала в новом для него обличье, что породило незнакомые эмоции, опять же при слишком характерном запахе. Волна печали и нежности навалилась на Гуннара с невероятной силой, он почувствовал, как у него перехватило дыхание, а потом упал на колени.

– Что это? – произнесла Анна Снапхане за его спиной, и он не успел остановить ее.

Она включила светильники на потолке, и весь отсек утонул в ярком свете. Ноги Мишель выглядели белыми как мел и абсолютно бескровными на фоне темно-синего коврового покрытия, а у одной из них валялся большой и несуразный револьвер. Чей-то крик эхом отдался в голове Гуннара.

Он закрыл глаза, больше не хотел вспоминать. Резко отвернулся от зеркала, попытался стряхнуть с себя, казалось, оставшийся на теле запах, подошел к окну. Дождь и не собирался стихать, как сумасшедший барабанил по стеклу. Гуннар смотрел наружу, увидел двух полицейских, бродивших вокруг автобуса, вроде как бесцельно и бестолково.

Внезапно он решил, что с него хватит.

Он натянул на себя куртку, получше завязал ботинки, поправил волосы и поспешил на улицу.

Полицейские удивленно подняли на него глаза, когда он спускался к ним, стоявшим там, словно это был их, а не его автобус.

– Сколько еще вы будете заниматься этим? – спросил он.

– Чем? – уточнил курчавый юнец в униформе.

– Когда я получу назад автобус?

– Я позову комиссара, – сказал курчавый.

Другой стоял на метр дальше, настороженно поглядывал на него.

– Я должен был уехать отсюда в восемь утра, – сообщил Гуннар Антонссон сквозь дождь.

Полицейский отвернулся.

К нему подошел его молодой коллега в компании с мужчиной в кожаной куртке и пестрой рубахе.

– Ступай в автобус, – сказал тот, протянул руку в знак приветствия.

От удивления Гуннар потерял дар речи и от его злости не осталось и следа. Преисполненный благодарности, он преодолел пять ступенек по металлической лестнице и, шагнув внутрь, подальше от дождя, резко остановился. Проход в аппаратно-студийный отсек был ярко освещен и забит народом, по крайней мере, так ему показалось в первое мгновение.

– Мы прочесываем всю аппаратную в поисках улики, как ты, надеюсь, понимаешь, – сказал мужчина в пестрой рубахе.

Гуннар кивнул коротко и нерешительно спросил:

– Она еще... лежит там?

Его собеседник извлек пачку сигарет из нагрудного кармана своей рубашки и посмотрел на Гуннара.

– Да, – ответил он. – Она еще лежит там. Точно как ты нашел ее.

Гуннар Антонссон опустил взгляд в пол.

– Наверное, это стало потрясением для тебя, – сказал полицейский комиссар. – К тому же все произошло в твоём автобусе.

– Это не мой автобус, – возразил Гуннар неожиданно резко. – А фирмы. И я любил ее. Я был одним из немногих, кто любил ее.

Полицейский достал сигарету, потом передумал и вернул пачку в карман.

– Что ты имеешь в виду?

– Она была добрая, – сказал Гуннар Антонссон и услышал, что его голос дрожит. – У нее всегда находилось дружеское слово. Остальные просто завидовали ей.

Он не смог сдержаться, слезы покатились по щекам. Он судорожно вытирал их тыльной стороной левой руки.

– Какие у тебя здесь обязанности? – спросил полицейский.

– Я ТРП, технический руководитель передачи, а все это называется передвижной теле-станцией номер пять. Я отвечаю за технику и сам автобус при записи всех летних программ «ТВ Плюс».

– У тебя настоящий монстр на колесах, – заметил комиссар.

Гуннар Антонссон откашлялся.

– Автобус таких размеров можно использовать почти где угодно, начиная с крупных спортивных событий типа футбольных матчей и первенства мира по хоккею и заканчивая массовыми шоу и солидными развлекательными программами. Мы вели отсюда трансляцию и «Евровидения», и церемонии вручения европейских музыкальных наград MTV в Глобене в этом году.

Комиссар присвистнул.

– Вам это было меньше всего надо, – сказал он. – Это ты открыл его?

Гуннар кивнул:

– Они разбудили меня сразу после шести...

– Кто именно?

Гуннар задумался.

– Их было много, – сказал он. – Анна Снапхане, и менеджер, и Карин, продюсер, и еще несколько человек. Это важно?

– Да, – сказал полицейский. – Но мы можем подождать с этим, пока не допросим тебя по всем правилам в здании. А пока расскажи коротко, что произошло сегодня утром.

Гуннар Антонссон глубоко вздохнул:

– Я открыл, и там лежала она. Люди отреагировали по-разному, менеджер завопил как сумасшедший, словно какая-то баба. Карин просто вышла наружу, Анна Снапхане наклонилась и потрогала ее ноги, сидела и тарасилась на нее, мне пришлось вытолкнуть ее отсюда. Мариана и другая девица видели не так много, я сразу же заставил их выйти.

– Значит, ты позаботился обо всем?

– Я пошел и позвонил по 112 в 06:22, я сообщил им, что у нас смертельный случай в мобильной телестанции.

– Но ты не сказал, что речь идет об убийстве?

– Я не хотел выполнять работу полиции.

Один из трудившихся внутри полицейских с извинениями протиснулся между ними на улицу. Гуннар Антонссон заметил, что он держал маленькие пластиковые пакеты с непонятным содержимым.

– Чем ты занимался потом? – спросил комиссар в пестрой рубашке.

– Я приготовил немного кофе у себя в комнате наверху. Потом сидел и ждал полицейских. Это заняло немало времени, они появились только в 08:16.

– Патрульная машина выезжала на изнасилование в Вингокер, – объяснил комиссар. – Твой сигнал отодвинули на второй план, поскольку никто не знал, что есть основания подозревать убийство.

Гуннар промолчал.

– Чем занимались другие в это время?

Он сглотнул, размышляя:

– Я сам по себе.

– То есть ты понятия не имеешь?

Полицейские эксперты снова протиснулись между ними внутрь, уже без пакетов. Гуннар Антонссон устал от их разговора, от всей ситуации.

– Они сидели и болтали внизу в общей комнате, кто-то плакал. Как долго вы будете работать здесь внутри? Я уже несколько часов как должен находиться в пути.

– Боюсь, нам понадобится время.

– Сколько?

– Ну, наверное, несколько недель...

Гуннар вздрогнул:

– Несколько недель? Вы что, с ума сошли?

Комиссар и глазом не моргнул.

– Мы заберем автобус, – сказал он и снова достал сигареты. – Я думаю, он простоит в нашем гараже по крайней мере четырнадцать дней, доступный для исследований.

От негодования у Гуннара Антонссона покраснели уши. – Наша фирма целиком и полностью зависит от него, – произнес он, с трудом сдерживая эмоции. – Вы понимаете, сколько стоит каждый час его простоя? Нам надо в Данию в понедельник, там будет большая ярмарка. И что теперь делать?

Комиссар вздохнул сочувственно и сунул сигарету в уголок рта.

– Знаешь, решение забрать его или оставить принимает прокурор, ты можешь поговорить с ней.

Гуннар Антонссон бросил последний взгляд через плечо, увидел только спины полицейских. Решил съязвить напоследок:

– Как вы сможете найти там внутри какие-то следы, когда столько людей повсюду?

– С этим не возникло бы никаких проблем, если бы не беготня, продолжавшаяся здесь всю ночь.

Полицейский явно привык оставлять последнее слово за собой.

– Здесь не было никакой беготни, – возразил Гуннар Антонссон уверенно. – Я сам отвечал за демонтаж оборудования, лично наблюдал за погрузкой и потом запер автобус.

Комиссар кивнул с задумчивой миной.

– Тогда меня интересует только одно, – проворчал он. – Как Мишель попала внутрь? И убийца?

Гуннар Антонссон уставился на полицейского. Он резко побледнел, когда смысл сказанного дошел до него.

– Вы верите, что...

– Верят в церкви, – буркнул полицейский. – Имеются еще ключи помимо твоих?

Гуннар молча покачал головой.

– У тебя есть какое-нибудь объяснение? Как они оказались в запертой аппаратной? И как убийца закрыл ее за собой?

Технический руководитель передачи Антонссон сунул руки в карманы брюк в полной уверенности, что он найдет связку ключей в левом из них, но ее там не оказалось. Он вспомнил, что полиция забрала ключи.

В следующее мгновение ему стало ясно, как все произошло. Он уставился в лицо полицейского и, как ему показалось, обнаружил на нем все признаки высокомерия и неприязни.

– Можешь поразмыслить над этим, – сказал комиссар и вышел на дождь.

Почти все другие пассажиры вышли на остановках Гинда, Буда и Путтисхольмен. Оставшиеся на борту направлялись на остров Еллнё. Томас вроде узнал двоих из этой компании, но все равно смотрел вниз, когда кто-то из них косился в его сторону.

Когда усадьба Сёдербю показалась в туманной дымке и начался дождь, он почувствовал, что продрог. Представшая перед его глазами картинка была до боли знакомой. Пусть он не навещал сюда почти год, все равно знал каждый прибрежный кустик, каждый изгиб дома, каждый ржавый лист железа на крыше. Старый хлев, возвышавшийся слева от причала, по-прежнему стоял некрашенный, лодочный сарай справа от него, похоже, еще больше проржавел. Цветовая гамма была серо-зелено-коричневой, как всегда в дождливую погоду. Только синяя табличка с директивой дорожного департамента выделялась на общем фоне. Томас сделал глубокий вдох, втянул носом пропитанный знакомыми с детства запахами воздух, и им овладела ностальгия.

Нет, он не зря приехал сюда, и почти не сомневался, что ему удастся весело провести время.

Томас разбудил детей. Они явно замерзли, и при виде их скучных физиономий он испытал угрызения совести. Анника всегда следила за тем, чтобы им было тепло и они не промокли. Он подхватил обоих, отнес в кафетерий и приказал ждать, а сам быстро принялся выносить вещи на причал.

Когда они наконец оказались на ведущей в деревню грунтовой дороге, дождь стих и сейчас больше напоминал мокрую пыль, казалось парившую в воздухе вокруг них. Чтобы дети не капризничали, он купил им по мороженому, прекрасно понимая, что в ближайшем будущем ему придется переодеть их с ног до головы, но это волновало его меньше всего. Он чувствовал, что его силы на исходе, и испытал огромное облегчение, когда магазин и расположенная рядом с ним большая красная родительская вилла показались впереди.

– Томас, ох Томас, как здорово. Мы так ждали вас, почему вы так поздно?

Его мать торопливо ковыляла вниз по лестнице в наброшенной на плечи кофте с застегнутой верхней пуговицей.

– Береги ногу, мама, не упади...

Мать обняла его и расцеловала в обе щеки:

– Какой ты холодный. – Потом она огляделась. – Но где Анника?

Томас постарался взять себя в руки, сжал губы на мгновение, прежде чем ответил:

– Ей пришлось уехать на работу.

Мать гениально изобразила ужас на лице:

– На работу? Сегодня? Ну надо же!

– Я прошу прощения за то, что мы опоздали, но нам удалось попасть только на «Норр-шхер», и мне пришлось много всего нести...

Внезапно он почувствовал себя невероятно усталым. Чертова Анника.

– Дорогой мой, неужели ты тащил все это в одиночку? Давай я помогу тебе...

Мороженое Эллен растаяло и упало на садовую дорожку, девочка потянулась за ним и закричала.

– Я не взял с собой палатку, – сообщил Томас, – но мне надо переодеть детей. Нам найдется место где спать?

– Конечно, ты сможешь жить в доме с нами. – Мать улыбнулась и привычным движением дружелюбно погладила его по руке. – Оставь вещи здесь снаружи, а потом папа и Хольгер занесут их в дом. Зачем тебе таскать все это? Заходи, выпьешь чашечку горячего кофе, а я

позабочусь о детях. Пошли, Калле, Эллен, ой, какая ты грязная малышка, тебя нам придется засунуть в ванну...

Томас долго принимал душ, пока его мать переодевала детей и кормила их венскими булочками с ванильным киселем. И чувствовал, как тепло возвращается в его продрогшее тело. Он знал, что все образуется, близкие позаботятся о нем. А когда дети заснут, он сможет немного выпить с братишкой, пожалуй, взять лодку и порыбачить на рассвете.

В хорошем настроении он вышел в гостиную, одетый в широкий темно-красный отцовский халат. Свет снаружи проникал в комнату через огромные окна, надраенный до блеска пол ласкал его босые ноги.

– А вот и наш стильный стокгольмец, – сказала его тетя Марта и не без труда поднялась с дивана. Она тоже поцеловала его в щеку и похлопала по руке. – Дорис рассказала о твоей поездке, что ты справился с ней! Исключительно сам, со всеми детьми. Да, что я могу сказать, вот они современные мужчины, фантастика! Все организуют и упакуют для всей семьи...

Томас засмеялся немного смущенно и вытер уши полотенцем.

– Анника паковала вещи, – признался он. – Братишка уже приехал?

Тетушка Марта улыбнулась сочувственно.

– Бедный Томас, – сказала она, – жена, которая сбегает из дома даже в Янов день... Неужели ты не в состоянии повлиять на нее?

Зло внезапно охватило его, он словно окаменел, рука с полотенцем упала вниз.

– Ей досталось дежурить в праздники, – сказал он. – Мы предполагали, что подобное может произойти.

Произнося последние слова, Томас знал, что говорил правду. Он просто забыл.

– Писать о насилии и преступлениях – это действительно подходящее занятие для женщины? – поинтересовалась тетушка Марта.

Томас не ответил, направился в сторону кухни.

– Но, Марта, – вмешалась в разговор его мать, – сегодня женщины могут делать все то же самое, что и мужчины. – Потом она повернулась к Томасу: – Хольгер приехал утром.

– Папа! – крикнула Эллен, замахала ногами и протянула к нему руки. – Папа-папа-папа.

Он взял девочку с колен матери и посадил к себе на плечи. А потом пронесся галопом по всему первому этажу с ней, захлебывавшейся от смеха над его головой, и с Калле, висевшим у него на халате и кричащим: «Меня тоже, папа, меня тоже!»

– Нет, хватит детских забав, – сказал Хольгер из прихожей. – Сейчас пришла пора для маленького дьявола!

Анна Снапхане села в кровати, она не помнила, что за звук ее разбудил. Сердце неистово билось в груди, волосы прилипли к вискам, ее босые ноги замерзли. Несколько секунд она обводила взглядом пустую комнату, потом последствия бурно проведенной ночи навалились на нее снова. Она застонала и упала головой в подушки. Комната вроде как уменьшилась в размерах. Было жарко, под пуховым одеялом она лежала полностью одетая, сняла только носки и обувь, от нее плохо пахло.

«Я не хочу, – подумала она. – Никогда больше».

Похмелье отступило, его место заняло нечто другое. Шок или, пожалуй, страх. Она лежала, боясь пошевелиться, и прислушивалась к звукам старого дома, скрипам и шорохам, долетавшим со всех сторон. Дождь барабанил по крыше и подоконнику, Анна чувствовала присутствие рядом других людей. Она съезжилась, лежа на боку, и мысленно проникала в разных направлениях и на разные расстояния.

Над ней Гуннар Антонссон медленно мерил шагами пол в своей комнате. Справа Бэмби Розенберг беспрерывно рыдала. Этот звук то усиливался, то затихал. Анна повернулась в кровати, чтобы не слышать его. Слева до нее доносилось бормотание Марианы. Анна поняла, что

Мариана включила радио в часах, пытаясь замаскировать свой разговор по мобильнику, умнее ничего не смогла придумать.

Она скомкала потное одеяло в самом конце кровати, засунула в него ноги и уставилась на потолок. Но не могла лежать спокойно, ожидание было невыносимо.

Анна закрыла глаза и, тяжело дыша, прислушалась к звукам радио, долетавшим из-за тонкой стенки, двое ведущих программы ссорились и смеялись на фоне музыки, сменявшейся криками и рекламными заставками. Потом начался выпуск новостей.

Женщина в студии программы «Эхо» явно нервничала, вероятно, ее взяли на время летних отпусков и доверили вести выпуски в день, когда все предпочитали отдыхать. От нее Анна, особо не прислушиваясь, узнала о террористической атаке на автобус в центре Иерусалима и неожиданном заявлении лидера оппозиции в связи с законопроектом по региональному вопросу, по которому правительство вроде бы собиралось принять решение следующей осенью. Затем прозвучало сообщение о смерти Мишель. Анна Снапхане вся обратилась в слух, но информация оказалась короткой, только факты, без лишних комментариев, а потому почти неинтересной. Журналистку Мишель Карлссон нашли мертвой в передвижной аппаратной после записи телевизионной программы. Полиция подозревала самоубийство и пока со ссылкой на интересы следствия отказывалась от комментариев.

Ведущая сделала паузу на полсекунды, потом перешла к рассказу о пропаже двух человек из прогулочной лодки, плавающей вверх дном в озере Венерн, наводнении в Польше и о погоде: холодный фронт продолжил движение на юг через страну, а за ним следовала новая область низкого давления из Атлантики. В Свеаланде днем ожидалось непрерывные дожди, местами с грозами, а к вечеру прояснение с северной стороны.

Мариана внезапно уменьшила громкость, информация о погоде в Норланде застряла на полпути к стене.

Анне Снапхане показалось, что обои приблизились, ей стало тяжелее дышать. Она встала не без труда и, обойдя кровать, подошла к окну, посмотрела на мост и маленький канал. Открыла окно с целью проветрить комнату, и у нее перехватило дыхание, когда ветер вцепился в створку, угрожая вырвать ее из рук. Испуганная, Анна захлопнула окно, дрожащими пальцами вернула задвижку на место. Потом отдыхала минуту, сидя на письменном столе спиной к дождю. После чего подошла к двери, уверенная, что она заперта.

Но это оказалось не так. Анна приоткрыла ее осторожно, услышала голоса, долетавшие из общей комнаты. Выглянула наружу: пусто и темно, приглушенные звуки доносятся со всех сторон. Свет от ее окна упал на дверь, расположенную напротив через коридор, в комнату Карин Беллхорн.

На принятие решения у Анны ушло одно мгновение. Она беззвучно покинула свою комнату, на цыпочках сделала два шага в темноте до двери Карин и открыла ее.

Продюсерша сидела за своим письменным столом и удивленно посмотрела на Анну Снапхане опухшими глазами, когда та шагнула внутрь и закрыла за собой дверь.

– Что?..

Она приподнялась со стула, и Анна прижала указательный палец к губам.

– Мне надо поговорить с кем-то, – прошептала она. – Иначе я сойду с ума.

– Нам нельзя общаться, – прошептала Карин в ответ. – Вернись к себе в комнату.

Нижняя губа Анны начала дрожать, а потом и руки тоже.

– Пожалуйста, – взмолилась она, – я не справлюсь с этим.

Продюсерша подошла к ней, окинула взглядом, взяла ее за руки.

– Бедняжка, – произнесла она тихо. – Посиди немного. Анна опустила на кровать, прижала ладони к лицу и заплакала. Слезы теплыми струйками потекли по щекам, уже не обжигая их, как это было в одиночестве в ее собственной комнате.

– Черт, – всхлипнула Анна, – дьявольщина какая-то. Как это могло случиться?

Карин Беллхорн вздохнула глубоко, с шумом, напоминающим всхлипывание.

– Я не знаю, – сказала она. – Я ничего не понимаю.

– Ты видела ее?

Анна посмотрела на продюсершу. Карин смахнула наверх седые волосы, отвела взгляд в сторону:

– Да.

– Она была еще теплой, но там, в автобусе, ведь было тепло. Ты видела револьвер?

Пожилая женщина кивнула.

– Мне никогда не приходилось сталкиваться ни с чем столь отвратительным, – продолжила Анна Снапхане, слова лились из нее ручьем. – Я никогда не видела прежде мертвого человека, и тем более друга, с кем проработала почти четыре года, кого видела в полном здравии всего несколько часов назад... и убитого! Застреленного! И потом, это серое вещество, прилипшее на стене и мониторах... Это же были ее мозги, черт побери, ее дьявольские мозги, они висели там на телевизионных экранах... Как это отвратительно: ее воспоминания, ее детство, ее чувства, все, чем она жила и дышала, а сейчас отвратительная липкая масса и...

Она наклонила голову и заплакала снова, почти в голос. Карин положила теплую руку ей на затылок.

– Анна... – прошептала она. – Анна, милая, ты не должна здесь находиться, полицейские с ума сойдут, если найдут тебя у меня, успокойся, моя хорошая...

Анна Снапхане сделала глубокий вдох, слезы текли по ее щекам, носу, подбородку.

– Черт, – прошептала она, – черт, Карин, как отвратительно...

– Я знаю, – сказала продюсерша и заключила ее в свои объятия. – Я знаю...

Потом они долго сидели – пожилая женщина прижимала к себе молодую.

– Мне ужасно стыдно, – прошептала Анна, когда немного успокоилась, а Карин отпустила ее плечи. – Я всегда так злилась на Мишель.

– Ничего подобного, – сказала Карин. – Ты наговариваешь на себя.

– Нет, – возразила Анна, вытирая лицо рукой. – Я терпеть ее не могла просто потому, что она была гораздо красивее и лучше меня.

– Вовсе нет, – запротестовала продюсерша. – Как журналист ты всегда намного превосходила Мишель.

– Я имею в виду – лучше на телевидении, – сказала Анна. – Она смотрелась на экране совсем иначе, чем я. Ты знаешь, что на место ведущей «Женского дивана» претендовали я и она? Она получила его. А я так и не простила ей этого.

– Она стала богатой и знаменитой за твой счет?

Анна подумала немного, кивнула:

– Примерно так.

Карин Беллхорн улыбнулась едва заметно:

– И видишь, как хорошо все обернулось для нее.

Анна ошарашенно посмотрела на собеседницу, заглянула в глаза, рассмеялась истерически.

– Как раз сегодня я лучше ее, – сказала она.

Они молча сидели рядом на кровати, Анна Снапхане чувствовала, как спокойствие постепенно разливается по ее телу.

– Ну и вечерок выдался, – сказала она спустя некоторое время.

Карин Беллхорн вздохнула и покачала головой:

– В такой сумбурной записи мне никогда не приходилось участвовать, а я многое повидала на своем веку. Анархисты явно были лишними, кто нашел их?

– Мариана, по-моему. Слышала бы ты, как она и Бэмби Розенберг в два часа ночи в общей комнате поспорили относительно любительниц сниматься в газете чуть ли не голышом. Какие страсти кипели! А потом, в разгар всего этого, пришел Хайлендер.

– Он ужасно поссорился с Мишель.

– Сам шеф? Из-за чего же?

– Дал ей пинка под зад.

– Перестань!

Карин предостерегающе прижала палец к губам:

– Точно. Я сама присутствовала. Он появился сразу, как только мы закончили работу. Мишель, конечно, была не расположена к дискуссии, ты же знаешь, как она обычно нервничала после записи, особенно после такой...

– Хайлендер явно не большого ума, – заметила Анна Снапхане.

– Его аргументы были, конечно, железные, но он не мог выбрать худшего момента, чтобы их озвучить.

– И чем он мотивировал свое решение?

– Что она слишком старая.

– Слишком старая? Да ей только тридцать четыре исполнилось в понедельник!

Карин улыбнулась еле заметно, не без намека на ехидство:

– Сначала Мишель не поняла, что сказал Хайлендер, она же все еще была возбуждена после записи. Потом в какой-то момент мне показалось, что она вот-вот грохнется в обморок, у нее лицо побелело, желваки на щеках заходили. Затем она просто взбесилась, орала, что он чертов придурок, поднявшийся благодаря тому, что лизал задницы, убирал туалеты и готовил кофе всяким шишкам в Лондоне...

– Это и в самом деле правда, – заметила Анна.

– И что он не осмеливается принимать никаких решений самостоятельно, так как всего лишь облеченная властью марионетка без мозгов и члена...

Анна Снапхане хихикнула.

– Все выглядело почти забавно, – согласилась продюсерша. – Хайлендер считал, что Мишель должна быть благодарна ему, поскольку он взял на себя труд лично уведомить ее об этом. Ему ведь достаточно было известить ее письменно, по электронной почте. Ей, естественно, выплатят компенсацию за целых полтора года, при условии, что она выдержит пункт договора относительно карантинного периода.

– То есть не станет работать ни на кого другого, даже если ее выгнали.

– Точно, – подтвердила Карин Беллхорн. – Если она где-то устроится руководителем программы, ее привлекут к суду за нарушение контракта. И на этом ведь все не закончилось. После ссоры в Конюшне Мишель наехала на своего менеджера, назвала его кровососом и дармоедом и так далее.

– Фоллин тоже получил пинка под зад?

Карин Беллхорн закурила сигарету. Потрогала пальцем нижнюю губу.

– Я не знаю, – сказала она. – Мне, черт побери, ничего больше не известно.

Внезапно Анна почувствовала, что снова готова расплакаться.

– Чем мы, собственно, занимаемся? – прошептала она. Некоторое время они опять сидели молча. Звуки из соседних помещений просачивались к ним сквозь стены. Над ними Себастьян Фоллин пустил воду в раковину. У Хайлендера справа от них орало радио. А слева кашляла Барбара Хансон.

– Послушай, – сказала Анна Снапхане, – кто, по-твоему, сделал это?

Карин поместила кончик языка в уголок рта, задумалась.

– Я не знаю, – ответила она. – А ты как считаешь?

– По-твоему, это был кто-то из нас? – прошептала Анна почти неслышно.

Продюсерша посмотрела в сторону окна ничего не выражающим взглядом.

– Технический персонал уехал домой, как только автобус упаковали. Остались лишь Гуннар и мы.

– А может, это сделал кто-то другой, совершенно посторонний?

– Среди ночи?

Карин посмотрела на Анну бездонными глазами, покачала головой.

– Нет, – прошептала она. – Это был кто-то из нас.

Анна Снапхане так громко сглотнула, что этот звук эхом разнесся в тишине.

– Поэтому надо быть осторожной, что бы ты ни говорила, – продолжила Карин, – и с кем бы ты ни откровенничала.

Анна кивнула, страх вернулся к ней, глаза расширились.

– Ты видела что-нибудь? – спросила Карин. – Что-нибудь странное?

Подозрительность сразу овладела Анной Снапхане, сомнение проснулось в ее душе.

– Нет, – прошептала она. – А ты?

Карин покачала головой, и Анна увидела отражение собственных мыслей в глазах продюсерша.

– Мне надо идти, – сказала она и поднялась снова с неприятным ощущением в животе.

От взаимного доверия, еще недавно царившего между ними, сейчас не осталось и следа.

Главный редактор Торстенссон не давал знать о себе. Андерс Шюман обеспокоенно ерзал на своем столе в стеклянном закутке в дальней части редакции, и с каждой минутой его раздражение росло. Перед ним лежало несколько юридических документов, исковые заявления, поданные в Стокгольмский суд, по которым в качестве ответчика должен был выступать «ответственный издатель «Квельспрессен». И речь там шла о клевете в различных ее формах.

А ответственным издателем был Торстенссон. Ведь именно за ним оставалось последнее слово, когда дело касалось публикации спорных материалов. И не играло никакой роли, что говорили остальные в редакции, окончательное решение принимал главный редактор. После многочисленных переговоров и дискуссий Шюману удалось добиться, что его, руководителя редакции, зарегистрировали в Патентном управлении как исполняющего обязанности ответственного издателя. Это означало, что Торстенссон мог переложить ответственность на него, но только четко выразив свою волю на сей счет. Все это имело чисто косметический эффект, но Шюман приобретал определенную власть. Хотя это случалось очень редко.

Андерс Шюман почесал голову. Ситуация выглядела довольно неприятной.

Мишель давно стала проблемой для газеты «Квельспрессен», и, честно говоря, «Квельспрессен» была реальной проблемой и для нее тоже. Несколько сотрудников газеты решили, что данная тележурналистка никуда не годится, и они часто и охотно делились своим мнением со своими читателями. Даже назначали ее победительницей конкурса «Обладательница худших нарядов года» два раза подряд, присудили ей титул самого переоцененного шведа тысячелетия, называли теледурочкой, награждали и менее приятными эпитетами, которые Шюман не мог сразу вспомнить. Они глумились над ее программами, печатали карикатуры с ней в разделе «Культура», поливали ее грязью на страницах, касавшихся телевидения, насмехались над ней, когда она получила их читательский приз. После этой ее ошеломительной победы им пришлось даже изменить свои правила вручения наград. Читатели больше не могли голосовать за того, кого они хотели видеть победителем. Жюри газеты во главе с Барбарой Хансон теперь само назначало пять номинантов – представителей телевидения, из которых они могли выбирать. В последнем случае Андерс Шюман ничего не слышал о двоих из них.

Пока критика и всякая чепуха о ней оставались на таком уровне, ни Мишель Карлссон, ни ее представители никак не реагировали.

В первый раз она подала в суд только после публикации серии статей с надуманными обвинениями ее в участии в афере с компаниями-«пустышками». Насколько Андерс Шюман понял, если газету могли ждать большие неприятности, то именно в этом разбирательстве.

Второй иск появился на свет после фотографий голой Мишель вместе с мужчиной, который, по утверждению «Квельспрессен», являлся преступником, сбежавшим из тюрьмы Эстерока. Мишель посчитала информацию о ее связи с бандитом глубоко оскорбительной для себя. К сожалению, газета перепутала представителя преступного мира с норвежской кинозвездой, что привело еще к одному исковому заявлению. Ведь известный актер был женат, имел детей и утверждал, что его опозорили обнародованием этих снимков. Стратегия издания в отношении данных исков стала несколько шизофренической.

Они заявили, что, поскольку мужчина оказался норвежской кинозвездой, Мишель не имела причин чувствовать себя оскорбленной, даже если газета ошибочно назвала его преступником. А служителя Мельпомены соседней страны они никоим образом не опозорили, так как сего господина не удалось идентифицировать, поскольку, по утверждению издания, он был беглым гангстером.

Андерс Шюман вздохнул и провел рукой по лбу.

Третий иск, относительно которого, правда, удалось достигнуть примирения, касался матери Мишель Карлссон. Репортер нашел спившуюся родительницу телезвезды в отеле в Риге, где она без особого успеха зарабатывала себе на хлеб проституцией.

– Так много молодых девиц в нашем бизнесе сегодня, – пожаловалась бедная женщина на первой странице «Квельспрессен».

Она также умоляла Мишель связаться с ней. Она так скучала по своей девочке, и ей настолько не хватало ее, что она постепенно пристрастилась к наркотикам и алкоголю. Щеки Шюмана покраснели от стыда, когда он вспомнил заголовок того материала: «Помоги мне, моя любимая Мишель!»

О том, что мать оставила дочь у ее отца, когда девочке было только три года, они так никогда и не упомянули.

Тогда им удалось мирно договориться исключительно по той причине, что Мишель Карлссон вообще не хотела говорить о своей матери. И в финансовом плане это, естественно, более устроило газету, поскольку им в любом случае пришлось бы платить адвокату, если их ждал долгий и трудный судебный процесс. В остальных случаях примирения не произошло из-за отказа Мишель, а сейчас уже было поздно что-то менять.

Шеф редакции сложил исковые заявления убитой женщины в стопку. Тяжесть в голове из-за спертых воздуха мешала ясно думать. А он знал, что сегодня ему придется надолго здесь задержаться. Ведь требовалось тщательно оценить каждое слово, предназначенное для завтрашнего выпуска. Им меньше всего нужен был еще один иск, на этот раз на основании параграфа четыре Закона о свободе печати, из-за клеветы на умершего.

Он откинулся на спинку кресла, механизм затрещал под тяжестью массивного тела. Его жена проводила Янов день у знакомых в Викингсхилле, он зажмурился и смог увидеть ее под большим тентом, смеющуюся, с цветами в волосах и рюмкой в руке.

Почему он взялся за эту дьявольскую работу?

Потому что устал от той ветреной жизни, которую вел. Глубоко разочаровался в финансовых и творческих возможностях, имевшихся у него, когда он был ведущим программы и продюсером общественно-политического журнала телевидения Швеции. Его утомила известность, вытекавшая из занимаемого им положения. Приняв предложение стать руководителем редакции, он хотел делать нечто более значимое, требующее большей ответственности и хорошо продуманных решений. С тех пор он часто сомневался, правильно ли поступил.

Покинутая им программа между тем неплохо жила и без него. Мехмед явно превзошел его в качестве ведущего.

Шюман поднялся, принялся бродить по комнате из угла в угол.

«Какого черта я сел в эту лодку? – подумал он. – А сейчас она уже отплыла далеко от берега».

Дождь уже начал действовать Аннике на нервы, Бертиль Странд как ни в чем не бывало устроился в редакционном автомобиле «Конкурента» и, судя по доносившемуся оттуда его смеху, чувствовал себя там как дома. Она никогда не опустилась бы до подобного лишь ради того, чтобы немного согреться и обсушиться. Анника огляделась в поисках какой-нибудь защиты от ветра, любой крыши. Ее взгляд остановился на теплице, расположенной немного выше парковки. Интересно, такие обычно запирают?

Замок на стеклянной двери отсутствовал. Анника открыла ее и проскользнула внутрь. Тепло и запахи цветущих растений обрушились с такой силой, что у нее закружилась голова. Только сейчас она поняла, что весь день ничего не ела. На грани голодного обморока и промокшая, она села на гравиевую дорожку, протянувшуюся между двумя рядами кустов томатов, прислонилась спиной к большому деревянному горшку и посмотрела наружу сквозь прозрачную стену. Парковка и ведущий к дворцу мост предстали перед ней как на ладони.

Слова, которые она весь день пыталась выбросить из головы, сейчас всплыли в памяти.

«Вот, значит, как все получилось. Бывают же такие мамы. Черт побери. Этого я никогда не прошу».

Она втянула воздух носом, а потом медленно выдохнула его через рот.

– Извини, – прошептала она. – Мне очень жаль, но ты же знал, что я должна...

На несколько минут Анника оказалась в плену двух эмоций – чувства вины и жалости к себе, они боролись между собой за пространство в ее душе, и она чувствовала себя несчастной, без особой уверенности в этом. Даже всплывшие из памяти лица детей не тронули ее глубоко.

Она поднялась, отыскала кран и утолила жажду, нашла длинную грядку рукколы и сахарного гороха, набрала себе немного того и другого, стараясь, чтобы это не бросалось в глаза.

«Я приглашу Томаса сюда во дворец на ужин и дам официанту хорошие чаевые», – пообещала она себе, защищаясь от угрызений совести по поводу собственного воровства.

Теперь голова у нее кружилась уже не так сильно, она вернулась назад к деревянному горшку и после секундного колебания позвонила Анне Снапхане. И как раз когда должен был включиться автоответчик, услышала голос подруги.

– Тебя еле слышно, – сказала Анника.

– А ты как хотела? – прошептала Анна и увеличила громкость работавшего на заднем плане радиоприемника.

– Как у тебя дела?

– Трудно дышать, – сообщила Анна усталым голосом. – Как думаешь, можно получить астму за одну ночь?

Анника не ответила, не хотела потворствовать ипохондрии подруги.

– Это так мерзко, – продолжила Анна. – Я вижу ее перед собой постоянно, такое ощущение, словно это моя вина.

– Вот как, – сказала Анника, – но ты же не можешь...

– Не говори мне, что я могу, а что нет. Не ты же сидишь здесь словно какой-то чертов убийца.

Анна стала плакать в трубку. Анника уже пожалела о своем звонке.

– Будем кончать? – спросила она осторожно. – Хочешь, чтобы тебя оставили в покое?

– Нет! – прошептала Анна. – Пожалуйста, не отключайся.

Потом они сидели молча долго, слушали радио.

– Они сказали, когда вы сможете поехать домой? – спросила Анника.

– Нет, просто пообещали отпустить нас, как только побеседуют со всеми. Твой знакомый комиссар здесь, кстати. Он допрашивал меня. Злой, дьявол.

– Ты разговаривала с Мехмедом? – спросила Анника. Ее подруга вздохнула:

– Ты не могла бы позвонить ему и сообщить, что я застряла здесь? Боже, как я скучаю по Миранде.

– У нее все нормально, – уверила ее Анника своим самым ободряющим тоном, наблюдая за парковкой. – Ты можешь разговаривать по мобильному?

– Вообще-то нет. Ты стоишь здесь снаружи?

– Дождь льет как из ведра, я спряталась в теплице. Ты не против поболтать?

Анника слышала, как подруга зашевелилась, сделала что-то с радио, ее шаги эхом отдавались в трубке.

– Немного, пожалуй.

– Ты не могла бы помочь мне чуточку? – спросила Анника. – Я прошлась по автомобилям, которые стоят на парковке, и, по-моему, вычислила большинство из тех, кто находится здесь. Ты не могла бы сказать, права я или нет?

Анна Снапхане рассмеялась устало:

– Ты верна себе. Что ты хочешь знать?

– Хайлендер здесь?

– Ага.

– Мариана фон Берлиц и Карл Веннергрэн?

– Йес.

– Мариана – сектантка?

– Когда это ей необходимо. Откуда ты узнала?

– По надписи «Иисус жив» на ее автомобиле. И потом, девица из Катринехольма по имени Ханна Перссон?

– Правильно.

– Что она здесь делает?

Анна Снапхане глубоко вздохнула. Когда она снова заговорила, ее голос звучал чуть более живо, словно необходимость говорить о чем-то обыденном слегка привела ее в чувство.

– Она партийный секретарь у неонацистов Катринехольма. Дебатировала с двумя анархистами в последней программе, дискуссия получилась дьявольски жаркой. Анархисты напали на девицу и на Мишель. У нацистки из носа пошла кровь. Мне и одному из технарей пришлось вмешаться и разнимать их. В результате я заработала царапину на подбородке.

– Почему она осталась после передачи?

– Бесплатная выпивка. Не захотела уезжать. У тебя есть кто-то еще?

– Барбара Хансон?

– Сучка, да, она приперлась сюда, чтобы поглумиться над Мишель, как обычно. Нажралась, конечно, и спала как мертвая еще до полуночи.

– Как относительно Катрин Беллхорн?

– Я разговаривала с ней совсем недавно, она сидит в комнате, расположенной через коридор от моей.

– Некто Себастьян Фоллин?

– Менеджер Мишель, именно он занимается всеми ее контрактами, рекламой и шоу, лекциями и всем таким. Они поссорились вчера вечером, не знаю из-за чего.

– Бэмби Розенберг, актриса сериалов?

– Бимбо-Бэмби, все так, лучшая подруга Мишель, участвовала в записи предпоследней программы и осталась на вечеринку по поводу окончания съемок. Мишель требовался хороший друг, единственное, что я могу сказать...

– Стефан Аксельссон, видеорежиссер?

– Он руководил всем из автобуса. Хорошо знает свое дело, но настоящий брюзга, ворчит непрерывно по любому поводу.

– Ну есть еще ты и какой-то технарь из аппаратной.

– Ага, Гуннар Антонссон. Он любит этот автобус больше жизни.

– Как считаешь, они будут разговаривать со мной?

Анна Снапхане даже рассмеялась:

– Смотри на кого нарвешься. Себастьян – с гарантией. Стеффе – никогда в жизни. Мишель сама плюнула бы тебе в лицо. Она ненавидела «Квельспрессен» после всего того дерьма, которое вы писали о ней, по ее словам, вы ее преследовали. И я почти согласна с ней.

– Ах, подобное она ведь должна уметь терпеть. Она же публичное лицо. Кто двенадцатый?

Анника заметила, что говорила о Мишель в настоящем времени, спохватилась и постаралась взять себя в руки.

– Он уехал, – ответила Анна.

– Как он смог сделать это? Полиция ведь оцепила весь остров.

– Он уехал рано утром, еще до того, как нашли Мишель.

– Вот как? И кто это был?

Анна со свистом втянула воздух ртом.

– Ну, – сказала она, – это же все равно всплывет рано или поздно.

– О чем ты говоришь?

– Это же останется тайной до того момента, как передача выйдет в эфир. Он играл наверху в музыкальном зале главного здания, поэтому другие гости так и не увидели его. Джон Эссекс.

У Анники чуть не перехватило дыхание от удивления.

– Да ладно тебе. Это правда?

– Ага, а какая девчонка у него, мы прямо слюни пускали все вместе.

– Ты серьезно? Как вам удалось заполучить его в Икстахольм?

– Благодаря Карин, конечно, ее бывший муж – продюсер их группы. Ему отводилась роль главной звезды программы.

Анника даже встала, в такой восторг пришла.

– Это просто невероятно, – сказала она. – Джон Эссекс был в Икстахольме, когда Мишель убили, и сбежал еще до того, как ее нашли.

– Вся группа уехала еще в девять вечера, но Джон остался и пил с нами. Я видела его перед часом ночи, но не знаю, когда он отчалил. Возможно, задолго до того, как она умерла.

– Известно, когда Мишель застрелили?

– Я видела ее около половины третьего ночи. И никакого выстрела не слышала, но меня же не было поблизости от аппаратной весь вечер и ночь. Автобус стоял запертый. К тому же гром гремел просто ужасно время от времени.

– То есть, собственно, будут допрашивать одиннадцать человек, а не двенадцать? Двенадцатый негритенок сбежал?

– Выходит так.

– Что это было за оружие?

Анна заколебалась снова.

– Неонацистки, – сказала она наконец. – Дурацкий револьвер, украшенный орнаментом и ужасно большой, она бегала с ним и хвасталась весь вечер. Ты обещаешь позвонить Мехмеду?

– Да, никаких проблем, я не думаю, что вы задержитесь здесь надолго.

– Вашего брата много понаехало?

– Гораздо меньше, чем можно было ожидать. Они перегородили весь мыс, только немногим вроде меня удалось пробраться внутрь. Как только у полиции еще появятся люди, они попросят пойти прочь и нас тоже.

Они замолчали, слушая шум помех на линии. Анника наблюдала, как дождь время от времени набрасывался на стены теплицы, ей вспомнились прежние Яновы дни, она и Анна Снапхане в пентхаусе Анны в Старом городе. Дождь и тогда лил как из ведра, они смотрели видео.

– Кто мог подумать, что мы будем снова праздновать Янов день вместе, ты и я, – сказала она.

Анна Снапхане не смогла удержаться от смеха, но он был практически сквозь слезы, и она быстро замолчала.

– Кстати, – продолжила Анника, – я сейчас встретила Пию Лаккинен из своей прошлой газеты, и знаешь, что она сказала? По ее словам, весь Катринехольм говорит о том, что Томас бросил меня и детей.

– Ага, – ответила Анна. – И что?

– До чего же люди злы, ты так не считаешь?

– Нет, с чего вдруг?

Они помолчали снова, отношение к семье было одной из двух тем, где их мнения расходились. Вторая касалась тележурналистики.

– Послушай, – сказала Анника, – ты знаешь, кто застрелил ее?

Анна Снапхане шумно вздохнула в трубке несколько раз – опять этот кошмар.

– Я слышала, как двое ужасно ругались наверху в Конюшне перед самой полуночью, – сообщила она.

– И кто же?

– Мариана и Мишель, – прошептала Анна.

– Черт, как неприятно, – сказала Анника.

– Я знаю, – согласилась Анна Снапхане. – Ой, кто-то идет. Мне надо кончать разговор.

Она отключилась. Анника подумала несколько секунд, прежде чем позвонить в редакцию.

Андерс Шюман поднял глаза от стола, когда Спикен отодвинул стеклянную дверь его кабинета.

– Наш скрипач так и не дал знать о себе?

Шюман вздохнул:

– Ни звука. Нам придется отправить кого-то из репортеров на его поиски. Как у нас дела?

Спикен поднял правую руку и провел ею по воздуху, как бы читая воображаемые заголовки:

– Подозреваемые: целый список. Ниже: «Двенадцать знаменитостей не лучшим образом провели время в «Летнем дворце». – Он опустил руку. – Один из них, кстати, Джон Эссекс.

Шеф редакции присвистнул и поднялся.

– Элвис Пресли нашего времени, – сказал он. – От этого вся история приобретает международный характер. – Он прошел мимо Спикена и вышел в помещение редакции. – Они все задержаны?

– Нет еще, – ответил Спикен с рукой в кармане брюк.

– Тогда нам стоит поостеречься называть их подозреваемыми. Пелле! Нам надо собраться ненадолго в редакции.

Художественный редактор, который держал телефон в одной руке, поднял большой палец на другой. Спикен поспешил вслед за Шюманом, одолеваемый противоречивыми чувствами.

Порой, как сейчас, его задевала манера поведения Шюмана, но он с уважением относился к нему как к профессионалу.

– Янссон уже здесь?

– Он просто...

Андерс Шюман жестом оборвал Спикена на полуслове: – Что мы имеем?

Он сел на пустой стул шефа международной редакции, стоявший примерно по центру у стола выпускающего редактора. Спикен опустился на собственное место и пригубил содержимое своей почти пустой чашки с кофе.

– У нас, значит, есть двенадцать человек, находившихся во дворце ночью. Насколько Бенгтзон поняла, все по-прежнему остаются там, за исключением Джона Эссекса. Он уехал еще до того, как нашли Мишель.

Андерс Шюман сделал у себя пометку и приподнял брови. – Замечательно, – сказал он. – Я не видел ничего подобного в сообщениях Информационного агентства. Это официальные данные?

Янссон, ночной редактор, подошел торопливо, пролил немного кофе и улыбнулся.

– Нет, черт побери, – сказал он. – Они от Анники Бенгтзон. Возможно, мы единственные имеем их.

Андерс Шюман посмотрел на кофе, стекающий в корзину для бумаг.

– Как она добыла список?

– С помощью автомобилей на гостевой парковке. И у нее есть какой-то источник, который она не хочет раскрывать.

Пелле Оскарссон по прозвищу Фотограф и Спикен закатили глаза к потолку.

– Джон Эссекс, – продолжил Шюман, – что он там делал? Он ведь слишком велик даже для арены Глобен. Это особая статья, попроси проверить все тщательно.

Спикен сделал пометку.

– Что мы будем делать со списком? – поинтересовался Янссон. – Как назовем всю компанию?

Андерс Шюман постучал ручкой по блокноту:

– Не подозреваемыми в любом случае. Друзьями, пожалуй, или свидетелями. Нам надо прочесть текст и посмотреть, на чем остановимся.

– Друзьями, ставшими свидетелями, – предложил Пелле Оскарссон.

– Нам надо отслеживать работу полиции, – сказал Шюман.

– И у нас есть сам дворец, – заметил Спикен, – Икстахольм. Восхитительное местечко явно, всего в ста километрах от Стокгольма, но все равно абсолютно изолированное.

Руководитель редакции кивнул.

– Все так, – подтвердил он. – Наше правительство обычно использует его для секретных переговоров. Насколько мне известно, колумбийское руководство встречалось там с повстанцами из ФАРК где-то год назад.

– Говорят, Арафат и израильтяне приезжали туда, – заметил Янссон.

Спикен кивнул одобрительно.

– Годится для отдельного сюжета помимо этих двенадцати, – сказал он. – Кто займется дворцом?

– Анника Бенгтзон как-то упоминала его при мне, – сказал Шюман, – поэтому нормально, если она и напишет. А как с нашим человеком, который сейчас находится там? Веннергреном? Кто-нибудь разговаривал с ним?

Спикен обеспокоенно заерзал на стуле:

– Нет еще, он же не может позвонить сейчас, допрос и все такое...

– Правда ли, что Барбара тоже там?

Вопрос подействовал как удар хлыста, Спикен резко замолчал.

– Ну, – сказал Янссон, – Барбара действует, исключительно руководствуясь собственными желаниями. Я разговаривал с ней перед ее отъездом туда, и она заявила, что не собирается ни у кого спрашивать, о чем ей писать в своих фельетонах, пока у нее есть разрешение ответственного издателя.

– И благословение семейства владельцев, – добавил Пелле Фотограф.

– Она же одна из них, – заметил Янссон.

– Что будем делать с Мишель? – спросил Шюман.

За столом выпускающего редактора воцарилась тишина. Пелле Фотограф листал какие-то бумаги. Янссон пил кофе, сосредоточив все внимание на этом занятии. Шюман заметил сомнения Спикена, прежде чем тот наконец взял слово:

– С журналистской точки зрения было бы правильным представить ее без прикрас. Спившаяся проститутка-мать, погибший в автокатастрофе отец, мужики повсюду, противоречивая и богатая, широко обсуждаемая и ненавидимая...

Андерс Шюман поднял правую руку, Спикен замолчал. – Прежде всего, – сказал шеф редакции, – наша газета уже заплатила пятьдесят тысяч крон в качестве возмещения ущерба за публикацию данных о ее матушке, проститутке и наркоманке. Кроме того, нам письменно запрещено когда-либо писать о ней снова. Поэтому данные материалы не вытащишь так просто из нашего архива. Если же говорить об остальных прилагательных, которые ты использовал, Спикен, вряд ли мы вправе утверждать, что именно так общество думало о ней. Это, по большому счету, мнение только нашей газеты.

У шефа новостей над верхней губой выступили капельки пота.

– Но мы же не можем просто сделать вид, что никогда не обливали ее грязью.

– Правильно, – согласился Шюман. – Но нам вовсе не обязательно продолжать в том же духе, когда она умерла. Я хотел бы иметь сдержанное и уважительное описание жизни Мишель Карлссон. И смерти тоже, кстати. С упоминанием всех полученных ею наград, того, как ее любили зрители, историю об ее отце нам, конечно, тоже надо напомнить, сколь ужасной она была...

Внезапно Шюман почувствовал, словно силы покинули его.

«Кровь и смерть, – пронеслось у него в голове, – ужасы и трагедии, убийства и всякое зло – вот мой хлеб насущный».

– Еще? – поинтересовался он спокойно.

– Что нам делать с Торстенссоном? – спросил Спикен. – Собственно, он ведь должен принимать решение?

– Я буду в аквариуме, – сказал Шюман. – Сообщите, как только кто-нибудь даст знать о себе, скрипач или...

Потом он направился в сторону своего закутка.

Представители «Катринехольмс-Курирен» укатили готовить материал о праздновании Янова дня в Бие, но люди из Эст-Нютт остались. Они пили кофе из термоса в своем микроавтобусе, народ с государственного телевидения выглядел немного солиднее остальных у своей мобильной телестанции, репортер из сёрмландского радио разговаривал по мобильному телефону около Конюшни. Бертиль Странд все еще грелся в редакционной машине «Конкурента», когда Анника постучала по окну передней дверцы с пассажирской стороны. Фотограф опустил стекло на два сантиметра.

– Выходи, – сказала Анника.

Секунду спустя он вылез из автомобиля, остальные журналисты тоже.

– Труповозка! – возбужденно крикнул репортер другой газеты и поспешил к ограждению у канала.

Анника не сдвинулась с места. Она смотрела вверх в направлении главного здания дворца. Точно по другую сторону водной преграды поднимался флагшток, ориентир, изда- лека с воздуха указывающий положение всего дворцового комплекса. У берега покачивалась маленькая лодка.

На мгновение в ее памяти всплыла картинка того случая, когда у нее на глазах полиция в первый раз увозила мертвого человека. Парк «Крунуберг» в Стокгольме всего в несколь- ких кварталах от ее дома. Маленькое заброшенное еврейское кладбище, полумрак, царивший среди огромных деревьев, жара, запах, широко раскрытые глаза мертвой женщины и застыв- ший на ее губах беззвучный крик.

«Ее звали Жозефина, – подумала Анника. – Жозефина Лильеберг. Она умерла, поскольку любила слишком много. На ее месте могла оказаться я».

Автокатафалк показался среди деревьев вдалеке, у кузницы и прибрежного домика. Он медленно ехал в сторону ограждения, где стояли журналисты. Камеры залязгали и зажужжали, фотографии наступали друг другу на ноги. Анника стояла в стороне, смотрела, как машина не спеша приближалась к ним, как полицейские пытались оттеснить в сторону медийную братию, как труповозка прибавила скорость, выехав на мост, пронеслась мимо овец в сторону выезда с территории, белый мешок едва виднелся за тонированными стеклами. Репортер местного радио побежал за автомобилем с микрофоном, опущенным к колесам. Анника даже заморгала, так отвратительно это выглядело.

Бертиль Странд провожал машину телеобъективом, пока она не исчезла из вида у кон- ного завода.

– Расскажи мне сейчас о двух вещах, – обратился он к Аннике. – Как мы выберемся отсюда и как мне получить назад мой автомобиль?

Анника посмотрела фотографию прямо в глаза.

– Тебе больше ни с чем не нужна помощь? – поинтересовалась она. – Больше ничего я не могу организовать для тебя?

Она достала свой мобильный телефон и набрала один из забытых в него номеров.

– Я во Флене, – сообщила Берит Хамрин ей в наушник. – Где находится Икстахольм?

Анника с облегчением перевела дух.

– Ты едешь из Норчепинга? Через город, на север по дороге номер 55, налево, а потом направо у указателя... Да, мы внутри, но они не пропустят тебя... Мы приплыли. Да, на весель- ной лодке.

Она засмеялась, когда закончила разговор:

– Берит будет здесь через десять минут. Ты сможешь поехать с ней и забрать свою машину, как только мы закончим.

– И чего мы ждем?

– Когда все двенадцать человек выйдут наружу. Или одиннадцать. Если мы сможем остаться на парковке, у нас есть все шансы пообщаться с ними, когда они будут уезжать...

– У дворца что-то происходит, – сказал Бертиль Странд, глядя поверх ее головы.

Полицейский в кожаной куртке и гавайской рубашке прошел через мост. Оставшиеся представители средств массовой информации собрались с одной стороны ограждения, он оста- новился с другой.

– О'кей, – сказал он. – Наш пресс-атташе сообщил, что не приедет сюда, поэтому у меня есть кое-какая информация для вас. Это не займет много времени.

Анника выудила блокнот и фломастер из своей сумки. Она видела, как ее коллеги напрасно защелкали своими шариковыми ручками. Они так ничему и не научились. Их ручки могли подвести в любой момент, их чернила растворялись в воде и замерзали в холод. В такой сырости не работал даже графит, только водостойкая тушь.

– Итак, Мишель Карлссон нашли мертвой в передвижной аппаратной за Новым флигелем в дворцовом парке Икстахольма. Она убита выстрелом в голову, смерть наступила мгновенно...

– Есть следы борьбы в самом помещении? – крикнула репортерша государственного телевидения.

Анника узнала ее. Насколько ей было известно, она гордилась своим умением выиграть вбрасывание на любой пресс-конференции. Другими словами, считала себя лучшей, когда требовалось перекричать всех и первой задать вопрос.

Комиссар вздохнул:

– Может, мы немного успокоимся и не будем суетиться? Спасибо. Жертву увезли в морг Сольны, судмедэксперты и следователи продолжают работу там. В течение дня мы допросили нескольких человек, находившихся поблизости от дворца примерно в то время, когда наступила смерть. На данный момент у нас нет ни одного подозреваемого, но следственные действия и допросы продолжаются здесь и в других местах. Относительно деталей расследования вроде того, есть ли следы борьбы в аппаратной, я, естественно, не собираюсь распространяться здесь и сейчас. Еще вопросы?

– Как долго подозреваемых будут удерживать во дворце? – крикнула телерепортерша.

Комиссар несколько секунд подождал с ответом.

– Как я уже сказал ранее, – произнес он, растягивая слова, – у нас пока нет никаких подозреваемых. Никого не удерживают во дворце против его желания. Лица, принимавшие участие в допросах в течение дня, делали это добровольно в качестве звена той работы по расследованию преступления, которую они все заинтересованы упростить.

– Свидетели захотят уехать домой вечером или предпочтут остаться на ночь в Икстахольме? – спросила Анника вежливо.

На губах комиссара на мгновение появилось что-то похожее на улыбку.

– Насколько я могу судить, все они выберут остаться во дворце на ночь, – сказал он. – Еще вопросы?

Они, естественно, нашлись. Электронным средствам массовой информации, конечно, требовалось задавать свои один за другим, поскольку их манера спрашивать была невероятно своеобразной и они хотели иметь собственные специфические ответы. В результате Анника стала свидетелем того, как комиссару пришлось повторить одно и то же еще три раза. Сначала в большую и несурзную камеру государственного телевидения, поскольку телевидение важнее радио, а государственное – важнее местного. Затем в маленькую цифровую камеру телеканала Эст-Нютт и, наконец, в микрофон репортера местного радио.

Анника ходила кругами за их спинами и ждала. Когда все они получили свое, она выступила вперед.

– Черт, как же ты промокла, – сказал комиссар.

– Вам удалось связаться с Эссексом? – спросила она. Комиссар вздохнул и достал пачку сигарет из кармана куртки.

– Если хочешь найти Джона Эссекса, надо ориентироваться по визгу малолетних девиц, – сказал он, закурил сигарету и сделал глубокую затяжку. – Естественно, мы сделали это.

– Ты имел в виду его, когда говорил о допросах в других местах?

Полицейский ухмыльнулся в ответ.

– Так что ты скажешь? – сказала Анника, – Он подозревается не более чем кто-то другой.

– Когда ее нашли?

Комиссар посмотрел на нее, выпустил изо рта струю дыма:

– Я не могу этого сказать.

– Значит, прошло немало времени, прежде чем вы приехали сюда?

– Лучше бы ты не писала этого, – сказал полицейский.

– Расскажи тогда.

Он вздохнул:

– В центр экстренной помощи сообщили о неподтвержденном смертельном случае. Ее нашли сразу после шести, патрульная машина была здесь два часа спустя.

– Достаточно времени, чтобы все участники событий смогли согласовать свои истории, – констатировала Анника.

– Ничего подобного мы не заметили, – сказал полицейский.

– Откуда нацистка Ханна взяла свой украшенный орнаментом огромный револьвер?

– Ты, как обычно, хорошо подготовилась, – заметил он. – О чем тебе еще известно?

– Помимо оружия? – Анника пожала плечами. – Кто-то из двенадцати, возможно, и есть убийца?

– А может, он пробрался через озеро, – сказал комиссар, веселые искорки играли у него в глазах.

– Конечно, – буркнула Анника. – Правительство использует Икстахольм для секретных переговоров о мире именно потому, что убийце так легко проникнуть сюда незамеченным среди ночи...

Полицейский рассмеялся громко, сунул обе руки в карманы куртки, повернулся к ней спиной и направился назад к дворцу с сигаретой, болтавшейся в уголке рта.

«Смейся, смейся, – подумала она с триумфом. – Я пробралась сюда незамеченной через озеро среди белого дня».

– Анника!

Голос долетел от установленного около конного завода шлагбаума. Там под зонтиком стояла Берит рядом с одним из их редакционных автомобилей.

– Что происходит? – крикнула она.

Анника побежала к ней, радостно махая рукой.

– Они не отпускают свидетелей, – ответила она, – но я хочу задержаться здесь еще на время. Ты сможешь забрать меня немного позже.

Берит подняла вверх большой палец, Анника отдала честь и побежала назад к фотографу, оттащила его в сторону.

– Поезжай с Берит, заberi машину и устройся в мотеле «Лофтет» во Флене около заправки «Статойл», – сказала она. – Берит приедет за мной немного позже. Я хочу еще пошпионить здесь.

– Что ты собираешься делать?

– Мне надо проверить несколько фактов.

– А конкретно?

Анника повернулась на каблуках, пошла прочь от парковки, миновала колокольню и обогнула Конюшню. Внизу у берега озера Лонгшён находились курятник, прачечная и теннисные корты.

Прачечная оказалась запертой на замок. Анника прислонилась к стене и окинула взглядом окрестности. Дождь почти прекратился, но воздух настолько напитался влагой, что между зданиями висела туманная дымка, давая особую силу летним запахам сырой земли, свежескошенной травы и распустившихся роз.

Она поставила сумку на лестницу, положила рядом с ней закрытый блокнот и села на него, чтобы не намочить брюки. Потом прислонилась спиной к двери. По меньшей мере два автомобиля завелись и покинули парковку. Оставалось только ждать.

«Бывают же такие мамы. Черт побери. Этого я никогда не прощу».

Она смахнула волосы с лица. Томас вовсе не имел в виду то, что сказал. Подобное порой срывается с языка, когда ты разочарован и зол. Он поймет, что у нее не было другого выхода, и нет ничего странного в его столь бурной реакции. У него хватает проблем на работе. Про-

ект, касавшийся социальных пособий, которым он занимался три с половиной года, требовалось закончить к концу месяца, а он не успел. Кроме того, не знал, продлят ли с ним трудовое соглашение в Ассоциации шведских муниципалитетов после его окончания. Руководство поговаривало о других заданиях, но пока без какой-либо конкретики.

Анника вздохнула, знала, как угнетала Томаса ситуация, когда он ничего не мог планировать заранее. Он не воспринимал ее утешения, не хотел слушать ее аргументы, что есть и другие работы, помимо ассоциации. Когда она показывала ему объявления фирм, ищущих бухгалтеров и экономистов, он только обижался и мрачнел.

Она понимала причину: Томас грезил о чем-то приличном. О должности повыше, чем место главного экономиста коммуны, которое он занимал в Ваксхольме. Он жаждал доказать своим родителям и старым знакомым, что поднялся по крайней мере на одну ступеньку в своей карьере, даже если ему пришлось опуститься вниз во всех его прочих планах.

Анника окинула взглядом дворцовый парк, заметила, что дождь полностью прекратился. Она знала, что Томас смотрел на свою жизнь именно таким образом. Она оказалась неудачным приобретением. По всем параметрам уступала Элеоноре, его жене – банковскому директору с виллой в Ваксхольме. Они никогда не разговаривали об этом, но она понимала все по его глазам, морщинкам вокруг рта. Ее усилий не хватало, да и что она, собственно, могла?

Первые два года они жили в ее квартирке в предназначенном на снос доме без лифта, туалета и горячей воды. Пока были одни, это еще более или менее устраивало, но, когда появился Калле, стало почти невыносимо тяжело. Она старалась, терпела и плакала тайком, но никогда ни на что не жаловалась. Знала, стоит ей только сделать это, и он сразу уйдет. Взяла декретный отпуск целиком, никогда не выдвигала ему никаких требований. Она мыла посуду, грела воду, кормила грудью, бегала за покупками, меняла подгузники, убиралась и занималась любовью с одинаковой непоколебимой решительностью. Там, где хватало ее сил и возможностей, они могли справиться со всем на свете. Чтобы им и дальше позволили жить в том же доме, она бесплатно взяла на себя обязанности вахтера. Меняла перегоревшие лампочки на лестнице, следила, чтобы в общей ванной комнате всегда имелись бумажные полотенца и туалетная бумага, звонила управляющему, если кто-то из квартиросъемщиков обнаруживал где-то утечку или трещину в своем ветхом жилище.

Когда их дом ремонтировали, принимала пожелания и жалобы от жильцов, переправляла их владельцу недвижимости и договаривалась о решениях, которые устроили бы всех.

Анника была беременна Эллен, когда наконец пришло долгожданное известие.

Они с Томасом могли заключить договор жилищного найма на пятикомнатную квартиру с окнами на улицу на четвертом этаже в доме с лифтом, изразцовой печью и балконом, выходящим во двор. Она разрыдалась от счастья, когда открыла конверт с этим предложением, и до сих пор единственный комментарий Томаса по такому поводу звучал в ее ушах:

– Мы могли бы жить в трех виллах одновременно за такую арендную плату.

Возможно, он был прав. Квартира оказалась слишком дорогой, но она стоила того. Деревянные стеновые панели до уровня подоконника, зеркальные двери, лакированный паркетный пол во всех комнатах, две ванны с подогревом полов.

Когда родители Томаса пришли к ним в гости в первый раз, их комментарий стал тем же самым:

– И во сколько, ты говоришь, это вам обходится? Тогда вы могли бы жить в вилле.

Мать Томаса с трудом терпела ее. Не могла простить Аннике то, что та разрушила ее жизненный уклад. Элеонора стала для нее дочерью, которую она так никогда не получила. Насколько Анника знала, они по-прежнему общались часто и с удовольствием. Даже рождение детей не заставило свекровь изменить свое отношение к ней.

– Бедные дети, – повторяла свекровь время от времени, – которым приходится жить в городе.

Что бы ни делала Анника, все не устраивало ее.

– Ой, какие они худые, – могла она заявить. – Они хорошо едят?

Что подразумевало: «Ты вообще кормишь их?» И дальше: – Остается только надеяться, что они не будут такими худыми, как ты.

Со свекром Анника почти совсем не общалась. Он сразу принимался читать газеты, как только приходил к ним домой, на вопросы отвечал односложно и рассеянно. Порой мог просто завалиться на покрывало их двуспальной кровати и проспать все время, не прерываясь даже ради ужина и просмотра телевизионных передач.

Удар грома заставил Аннику резко встать. Небо потемнело снова, стало черным как сажа и угрожающе нависло над белыми строениями. Порыв ветра толкнул ее вперед. Анника раздраженно сунула мокрый блокнот в сумку и закинула ее на плечо. В следующее мгновение весь окрестный пейзаж утонул во вспышке бело-голубого света. Звуковое сопровождение не заставило себя долго ждать, уже через долю секунды воздух задрожал от страшного грохота. В любой момент дождь мог обрушиться на нее снова.

Стараясь не привлекать внимания, Анника прошла с тыльной стороны живой изгороди и с торца обогнула старое здание Конюшни. Бросила взгляд на парковочную площадку, все журналисты уехали. Полицейские, стоявшие у ближнего к дворцу ограждения, тоже исчезли. Еще одна молния разорвала небо, гром, прозвучавший на секунду позднее, поведал о том, что гроза начала удаляться. Анника быстро пошла назад вдоль Конюшни, в надежде, что сможет пробраться внутрь с этой стороны. Осторожно толкнула заднюю дверь в кухню, та поддалась и открылась с громким скрипом. В следующее мгновение первые капли воды размером с теннисные мячи обрушились на Аннику. Без дальнейших раздумий она шагнула в чулан-прачечную и затворила дверь за собой.

Темнота сразу же обступила ее. Свет почти не проникал внутрь через завешенное стеной дождя крошечное окно. Она различила стиральную машину и сушилку, небольшую мойку из нержавеющей стали и горы грязного постельного белья. Дверь, расположенная в другом конце помещения, вела в маленькую кухню. Анника шагнула через порог. Там стояли посудомоечная машина, кофеварка, покрытый клеенкой кухонный стол с шестью стульями плюс еще множество пустых бутылок и грязной посуды повсюду. Окно смотрело на тыльную сторону, чуть приоткрытая дверь, похоже, вела в большой салон. Она распахнула ее и остановилась, ошарашенная.

Практически вся мебель в комнате (диван, два кресла и обеденный стол) была опрокинута, несколько стульев разломаны и брошены перед главным входом в нее. Около камина валялись осколки разбитой вазы, ранее стоявшие в ней люпины сейчас лежали в воде среди них. Ковры были сбиты, на полу у стены виднелась еще недавно украшавшая ее картина.

«Я не должна находиться здесь, – пронеслось в голове у Анники. – Мне надо немедленно убираться отсюда».

Но она осталась, не в состоянии сдвинуться с места, и таращилась на хаос, царивший вокруг. Какой-то великан уходил отсюда, все опрокидывая, бросая и круша на своем пути. Она пыталась представить себе, какие события привели к столь пагубным последствиям, понять, какой силой обладали руки, сломавшие спинки массивных стульев. Потом осторожно двинулась вперед, нерешительно подошла к лежащему на боку столу, заметила игральные карты и стаканы с другой его стороны. Увиденное удручающе подействовало на нее, она ускорила шаг.

За одним из кресел валялись бумаги, компьютерные распечатки, она наклонилась, подняла один листок, прочитала «График работы, программа 7, «Летний дворец». Это был рабочий документ какой-то команды телевизионщиков, его содержание не сказало ей ничего о том, кому он принадлежал: заставка, видеоблок, прямое включение, эпилог, музыка, анонс, гость, заставка... Анника отпустила листок, он приземлился примерно туда, где лежал. Она шла к камину, когда новая вспышка молнии на мгновение осветила комнату.

«Кто-то сметал все на своем пути», – подумала Анника, все еще обескураженная, но странным образом возбужденная.

Рядом с осколками цветочной вазы лежал темный предмет, она подошла к нему, взяла за один угол и подняла к окну. Это оказалась юбка, черная, слегка влажная от дождя или воды из вазы. Анника отпустила ее, огляделась. Ей в голову пришла идея, и она протянула руку к пеплу в камине. Холодный, никакого тепла с ночи.

Она отряхнула руки от сажи и пыли, и тут гроза снова напомнила о себе вспышкой молнии. От страшного грохота содрогнулся весь дом. Анника испуганно прижалась к стене. Воздух, казалось, вот-вот засветится от скопившегося в нем электричества, запахло серой, у нее начало першить в горле.

«Я понимаю теперь, почему люди верили в Тора», – подумала она.

Секунду спустя Анника услышала какой-то звук у входной двери, расположенной с другой стороны комнаты. Парализованная страхом, она уставилась на ручку, а когда внутри снова стало светло от вспышки за окном, увидел, как кто-то повернул ее снаружи и дверь начала открываться.

Судорожно хватая воздух ртом, она в три шага преодолела расстояние до кухни и, шмыгнув в нее, наблюдала за происходящим в салоне из-за дверного косяка. Туда торопливо вошел мужчина и закрыл за собой дверь. Когда он откинул капюшон дождевика, Анника с облегчением перевела дух. Вот дьявол! Что он здесь делает?

Она осталась в своем укрытии, невидимая от входной двери, и наблюдала, как он что-то искал среди общего хаоса. Двигался осторожно, замирал при наиболее сильных раскатах грома, поднимал, перемещал какие-то предметы, изучал их, бросал снова. Наклонялся в попытке рассмотреть что-то, шарил рукой в самых темных уголках. Когда он находился в метре от двери в кухню, Анника распахнула ее полностью и сказала:

– Ты что-то потерял?

Карл Веннергрэн подпрыгнул от неожиданности и отшатнулся назад. Его лицо стало белым как мел, глаза чуть ли не вылезли из орбит, он ужасно испугался. Анника прислонилась к двери, не в силах сдержать улыбку.

– Что за черт? – сказал Веннергрэн. – Откуда ты взялась?

– Из газеты «Квельспрессен», – ответила Анника. – Ты разговаривал со Спикеном? Он весь день ждет твоего звонка.

– Как, черт возьми, ты оказалась здесь?

– Что ты ищешь?

Ее коллега тяжело дышал, потный от страха.

– Какое тебе дело?

Анника не сводила с него взгляда. Никогда не видела его таким. Карл Веннергрэн был красавчиком, их собственным донжуаном, любимцем руководства редакции, сыном председателя правления. Он и Анника успели уже несколько раз поссориться за этот год, она считала его аморальным и избалованным, а что он думает о ней, могла только догадываться. Но сейчас от его обычного высокомерия и невозмутимости не осталось и следа, и это, на ее взгляд, только пошло ему на пользу.

– Садись, – сказала она, расположившись за кухонным столом. – Ты разговаривал с Шюманом или с кем-то другим из редакции?

Карл Веннергрэн уставился на нее сверху вниз, его страх начал проходить.

– Нет, – ответил он. – Я же сидел у полицейских на допросе.

– Какая удача, что мы встретились, – сказала Анника. – Теперь ты ведь можешь рассказать мне, что произошло здесь вчера.

Ее коллега фыркнул в попытке изобразить смех:

– Тебе? Почему я вообще должен что-то тебе рассказывать?

«А он действительно ненавидит меня», – подумала Анника. Запах серы щекотал ей ноздри.

– Поскольку мы работаем в одной газете, – ответила она и с удивлением заметила, что ее голос дрожит. – Если мы будем сейчас сотрудничать, то наша стартовая позиция окажется просто великолепной. Мне многое известно, но ты знаешь гораздо больше. Вместе мы смогли бы решить, что нам стоит опубликовать, а что помешало бы расследованию. Речь ведь, возможно, идет о главном новостном событии всего лета, а с твоим рассказом мы сумеем заткнуть за пояс всех других.

Анника подняла глаза на коллегу, прикусила губу, поняв, что чуть ли не умоляет его.

– Само собой, сумеем, – сказал Карл Веннергрэн. – Но это моя история. Не твоя. Почему я должен делать тебе такой подарок?

Анника почувствовала, как злоба закипает в ней, неприятным ощущением отдаваясь в желудке. Карл Веннергрэн ухмыльнулся, самоуверенность и высокомерие вернулись к нему. Анника, сжав челюсти, встретила с ним взглядом.

– О'кей, – сказала она и поднялась. – Не стану тебя задерживать. Тебе, похоже, есть чем заняться среди всего этого хаоса. Нужна помощь с поисками?

Она остановилась, посмотрела на него:

– Знаешь, что я думаю? Полиция уже нашла это, о чем бы ни шла речь.

Он перестал улыбаться. Анника протиснулась мимо него, забрала свою сумку и направилась к заднему выходу из кухни.

– Что ты хочешь знать? – спросил он.

Она остановилась, подняла на него глаза:

– Что произошло здесь внутри, например.

Карл Веннергрэн окинул взглядом темный салон, с шумом сглотнул.

– Скандал, причем страшный, – сказал он.

Анника воздержалась от комментариев, это и так было видно невооруженным взглядом.

– Себастьян Фоллин вошел сюда, когда Мишель и Джон Эссекс находились в процессе. Он просто взбесился.

– В каком процессе?

– У тебя ведь двое детей, ты же знаешь, как это делается.

Анника почувствовала, как у нее запылали щеки.

– Себастьян Фоллин перевернул тут все?

Карл Веннергрэн опустил глаза в пол. Анника видела, как он сжал зубы, и догадалась почему. Правда боролась в нем с ложью? С желанием сказать, что он ничего не знает, хотя сам участвовал? Пытался кого-то защитить?

Анника неохотно сделала несколько шагов назад.

Поняла, что не сможет полагаться на его слова.

Она закинула сумку на плечо, достала мобильник и на пути к выходу позвонила Берит.

* * *

Дождь прекратился столь же быстро, как и начался, когда они припарковались перед мотелем «Лофтет» во Флене.

– Это уж точно не «Гранд-отель», – заметила Берит Хамрин.

– Шутишь? – сказала Анника. – Матушка отмечала здесь свое пятидесятилетие. Потом утверждала, что отравилась свиным боком, но остальные-то знали, из-за чего она блевала.

Берит криво улыбнулась.

Сейчас дышалось гораздо легче, насыщенный после грозы озоном воздух стал настоящим лакомством для легких. День клонился к вечеру. Парковка была пустой, если не считать

машин Берит и Бертиля Странда. У автозаправочной станции «Статойл» с другой стороны Катринехольмсвеген разговаривала компания молодых мужчин, Анника с неприязнью наблюдала за ними несколько секунд. Все старшеклассники Хеллефорснеса посещали Стенхаммарскую школу во Флене, куда их возили на специальном автобусе, и там на них всегда смотрели как на деревенщину. Анника по-прежнему ощущала себя человеком второго сорта, встречаясь здесь со своими ровесниками, и ей показалось, что она узнала по крайней мере двоих из парней.

В следующее мгновение она поняла, что все эти мужчины были, наверное, на десять лет моложе ее.

«Боже праведный, я вот-вот стану старой», – подумала она.

– Взять тебе что-нибудь поесть? Шницель или шницель? Анника улыбнулась:

– С жареной картошкой?

– Или с жареной картошкой, – сказала Берит. – Пошли наверх, у тебя номер три. Ключ в дверях. Я в первом номере, а Берра – в четвертом...

Комната оказалась столь же заурядной, как и меню, но в душе имелась горячая вода. Анника как раз успела одеться, когда Берит вошла с подносом.

– Вуаля, мадемуазель, – сказала она и поставила еду на прикроватную тумбочку. – Как я тебе в роли официантки?

Анника возвела глаза к потолку и набросилась на жесткую свиную котлету.

– Кстати, я разговаривала с Шюманом и Спикеном, – сообщила Берит, пока Анника с аппетитом жевала. – Мы договорились как можно больше разделить между мной и тобой. В Стокгольме есть несколько репортеров, но они взяты только на время отпусков, и еще очень зеленые. Правда, что Джон Эссекс был там?

Анника пила кока-колу большими глотками, ей вспомнилось собственное разочарование, когда она подменяла отсутствующих сотрудников, как ее ни во что не ставили и считали никуда не годной.

– Да, сэр, – ответила она.

– Наша редакция развлечений землю роет. Они охотятся за комментариями его команды по всей Европе и взяли его на себя. Вот смотри... – Берит прошлась по пунктам из своего списка. – Я заказала все вырезки о Мишель в нашем архиве, они сейчас на пути сюда. Помимо всяких полицейских штучек нам необходимо воссоздать историю Мишель Карлссон от колыбели до могилы.

– «От бедной провинциалки до шведской телезвезды первой величины», – пробормотала Анника с набитым ртом. – И ниже: «Ее жизнь была как грустная сказка».

Берит улыбнулась:

– И у нас есть самый страшный финал: «Звезда умирает, убийство Мишель Карлссон шокирует Швецию». Охота за убийцей, полицейские версии, как такое могло случиться, все тому подобное...

– Я могу сделать это, – сказала Анника, стараясь выковырять кусочек мяса, застрявший между зубами. – Орудие убийства принадлежало одному из гостей, я вставлю это в текст.

Берит кивнула одобрительно:

– Последний эфир, факты о программе, как происходила запись, все гости... Тебе известно что-то об этом?

– Очень мало, но с этим не будет проблем. В развлекательной редакции, наверное, найдется материал на сей счет. В любом случае пресс-дамочка из «ТВ Плюс» может все организовать. Наши люди из отдела развлечений в состоянии справиться с этим?

– Я поговорю со Спикеном, – пообещала Берит и сделала пометку у себя в блокноте. – Они хотят иметь материал о самом дворце тоже, по их словам, ты там все знаешь.

– Ну, не совсем так, – проворчала Анника, допив остатки колы. – Насколько большой планируется материал?

– Максимум две тысячи знаков. Относительно охоты полиции за убийцей, здесь все на твое усмотрение. Что у тебя еще есть?

– Последняя ночь во дворце, двенадцать человек, которые остались в живых.

– Точно, – сказала Берит и ткнула ручкой в воздух. – Это главное на завтра, они и Джон Эссекс. Используй все, имеющееся у тебя, но будь осторожна в формулировках относительно подозрений и убийцы.

– «Такой мы помним Мишель». Известные шведы говорят добрые слова о покойной?

– Это сделают стокгольмские репортеры, – сказала Берит. В дверь постучали, снаружи стояла дежурный администратор с кучей бумаг в руках.

– Это пришло по факсу, – сообщила она, тараща глаза на заголовки.

Берит освободила ее от ноши, закрыла дверь перед носом сгоравшей от любопытства женщины и разложила распечатки на двухспальной кровати.

– Шюман хочет, чтобы мы взглянули на них, прежде чем начнем, – сказала она.

– Боже! – воскликнула Анника. – Неужели мы так много писали о ней?

– Где ты пропадала все эти годы? – поинтересовалась Берит.

– Занималась детьми, – ответила Анника и выловила одну статью из общей кучи.

Опубликованная год назад, она касалась грандиозного контракта, связанного с переходом Мишель Карлссон с общедоступного канала наземного вещания на крайне перспективный кабельный канал «ТВ Плюс». Сама Мишель была безмерно счастлива и с нетерпением ждала встречи с новыми коллегами. Менеджер Себастьян Фоллин, добившийся для Мишель шикарных условий, обнимал ее на фотографии, иллюстрировавшей новость.

Аника взяла наугад копию другой статьи, «Так держать», вышедшей, когда Мишель Карлссон оставалась на первом месте в зрительском хит-параде в течение пятнадцати недель.

Они разложили все материалы, старые статьи и заметки на покрывале, более свежие – на полу, и скоро они покрылись грязными и мокрыми пятнами от их сумок и обуви.

Внимание Анники привлекла маленькая вставка с фактами, где вся жизнь Мишель уместилась в нескольких коротких предложениях.

Родилась в Белоруссии, мать – латышка, отец – швед. Росла с отцом, нефтяником-буровиком, до его смерти, какое-то время в приемной семье. Гимназия в Векшё, потом экскурсовод в Йёнчёпинге. Предпочитает японскую еду, с удовольствием пьет вино, интересуется йогой и водными видами спорта. На данный момент является ведущей программы «Женский диван».

– Ты знала, что она иммигрантка? – спросила Анника.

– Какая разница? – Берит пожала плечами. – Она же жила здесь с трех лет. Ты не могла бы дать мне ту кучу?

Аника потянулась за стопкой бумаг, села прямо и пробежала глазами статьи. Написанные более года назад, они, похоже, в общих чертах рассказывали об успехах, наградах, местах в списках популярности и содержали безобидные слухи. После перехода на другой канал тон, однако, резко изменился. Программа Мишель не пошла столь хорошо, как надеялись на «ТВ Плюс». Анонимные источники в их руководстве рассказывали о многомиллионных убытках и уменьшении числа зрителей. Саму звезду внезапно стали критиковать за то, что раньше считалось ее преимуществами. В результате то, что прежде восхвалялось как «естественное поведение», превратилось в «заискивание перед публикой». «Обворожительное» стало «глупым», «раскованное» – «легкомысленным». Профсоюз нападал на нее, поскольку она не брала оплату за свои игровые программы. «Мы понимаем, что она не нуждается в деньгах, – заявил один из их лидеров, – но она тем самым мешает зарабатывать всем другим». Следующая статья касалась одного из боссов радио, возмущавшегося по поводу того, что Мишель выставила счет на пятьсот тысяч крон в качестве компенсации за неиспользованный отпуск, когда ей пришлось

поучаствовать в некой программе. «Жадность некоторых людей просто не знает границ», – заявил он.

– Все как всегда, – заметила Анника.

– Ты еще не видела наших фельетонов, – парировала Берит.

Барбара Хансон, штатный фельетонист газеты, извела массу бумаги, преследуя Мишель Карлссон. Она требовала, чтобы та ушла в отставку с поста ведущей программы, словно речь шла об избранном народом политике. Обвиняла Мишель в налоговых преступлениях, пусть эти данные не имели ничего общего с истиной. Критиковала ее за внешний вид, манеру говорить, зарплату, моральные качества, некомпетентность и поведение.

Коллективные нападки на Мишель, однако, начались только после того, как она возглавила дискуссионную программу, которую телекритики посчитали недостаточно острой и злободневной. Когда уже после пятого выпуска программу закрыли, злорадству не было конца. «Фиаско Мишель», «Падение королевы телевидения!» – кричала газета, а фотографию телеведущей, сделанную после заключения рекордного контракта, здесь же поместили под заголовком «Худшая сделка в истории Швеции». Хайлендер лично высказался в данной статье, что на покупку Мишель они смотрели как на долгосрочную инвестицию, рассчитывая получить прибыль через пару лет.

– Безумие какое-то, – сказала Анника и положила стопку пришедших по факсу бумаг себе на колени. – Почему мы писали так невероятно много об этой женщине?

Берит пожала плечами, сдвинула несколько вырезок и села на кровать. Статьи устремились к центру впадины, образовавшейся под тяжестью ее тела, и перепутались снова.

– Фактически Мишель помогала нам продавать газету. Все знали ее, и сначала она охотно делилась сокровенным и порой сама сообщала не лучшие факты о себе. Снялась на обложку приложения нагая и покрашенная в желтый цвет. Повела, как она потеряла невинность, рассказала о лесбийском опыте из гимназической поры, согласилась на репортаж с больничной койки, когда сломала ногу, ну и все такое.

– Но этим все не ограничилось, – констатировала Анника.

– Нет, – подтвердила Берит и принялась рыться среди факсов. – Постепенно Мишель начала показывать зубы и тем самым стала еще более интересной. И тогда она превратилась в скандальную знаменитость, так ее теперь подавали, каждый человек, который мог сказать хоть что-то плохое о ней, отныне получал слово, а Мишель приходилось отвечать. По-моему, ты сидишь на одной из таких статей, именно эта, там...

Аника вытащила бумагу из-под колена, быстро пробежала текст глазами. В ней ведущий программы с канала-конкурента напал на Мишель Карлссон, называя ее «мыльным пузырем», пустышкой. Если верить ему, миллионы шведов умели задавать столь же интересные вопросы, как Мишель делала это на телевидении, в отличие от него, конечно, поскольку ему самому удавалось это просто уникальным образом.

– Да, он полный идиот, – заметила Анника, рассматривая фотографию самодовольного загорелого мужчины средних лет.

– А за эти статьи нас привлекали к суду, – сказала Берит и взяла стопку, лежавшую сбоку от кровати. – Нам надо прочитать их внимательнее, чтобы мы знали, чего следует избегать.

Аника бросила взгляд на огромные заголовки.

«Мишель Карлссон – экономический преступник?» – кричал один из них на первой странице. Фотография, дополнявшая его, представляла собой паспортный снимок, вероятно почти десятилетней давности. Она испуганно таращилась в объектив, сильно накрашенная и с нелепой несовременной прической.

– Выглядит как автомобильный воришка, – констатировала Анника.

В самой газете статьи на данную тему заняли более восьми страниц. И все были подписаны Карлом Веннергреном.

«Из знаменитой звезды в экономические преступники – путь Мишель с телевизионного олимпа в зал суда», – гласил заголовок, объединявший их.

В этих материалах утверждалось, что Мишель Карлссон была фигурантом расследования биржевой аферы, в которой участвовало несколько компаний-однодневок. Фирма Мишель была одной из тех, которые, по мнению полиции, являлись «самыми ловкими мошенниками Швеции». Телезвезда якобы обратилась к ним с целью уйти от налогов и в результате заработала двенадцать миллионов, из-за чего подозревалась в соучастии в экономическом преступлении. Комиссар, занимавшийся данным делом, по сути, подтвердил всю историю, но указал, что владелице компании пока не предъявлено обвинение. Однако ожидалось, что это произойдет до конца недели.

На следующем развороте доминировала сложная схема, показывавшая, как осуществлялись подобные аферы. Анника долго рассматривала ее, прочитала пояснение, но, по большому счету, ничего не поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.